Groza

Автор:
Наталья Андреева

Groza

Наталья Вячеславовна Андреева

Провинциальный городок Калинов находится на переломе двух эпох.

Грядут новые выборы мэра, в борьбу вступают трое: действующий глава города Степан Дикой, его бывшая правая рука Ваня Кудряш и учитель Кулигин, вот уже лет тридцать бьющийся над доказательством знаменитой гипотезы Кука, за которое обещан миллион долларов. Тихон Кабанов в шутку предлагает Кулигину для начала найти своего отца, исчезнувшего девятнадцать лет назад при ограблении инкассаторской машины. Найти хотя бы тот пропавший миллион. Взявшийся за расследование Кулигин, да и все остальные калиновцы, даже не представляют, к чему это приведет. Тихий городок буквально взрывается: арест самой влиятельной женщины города Кабанихи, покушение на убийство, провокационные фото в Инстаграме…

Все напряжены и ждут развязки. И она обязательно произойдет… Вместе с долгожданной грозой…

Наталья Вячеславовна Андреева

Groza

Роман

Автор благодарит свою группу поддержки ВКонтакте за яркие отзывы, которые вдохновляют на новые сюжеты и помогают в работе

* * *

А богатые-то что делают?.. У всех давно ворота… заперты, и собаки спущены… И не от воров они запираются, а чтобы люди не видали, как они своих домашних едят поедом да семью тиранят. И что слез льется за этими заборами, невидимых и неслышимых! И что… за этими замками разврату темного да пьянства!

Александр Островский «Гроза»

Больше всего на свете маленькая Катерина любила цветы и мамочку. Жила девочка, точно птичка на воле, в славном домике на городской окраине, откуда рукой было подать до кормилицы Волги. Это место недаром считалось в Калинове самым красивым. Здешняя знаменитость учитель Кулигин как-то в шутку, а может, и всерьез, назвал его ладонью Бога. Стоишь на высоком волжском берегу в предрассветной дымке, словно в райском облаке, а у твоих ног речные волны, как заботливые няньки, принимают в свои морщинистые руки младенчески пунцовое, разинувшее рот в первом своем крике солнце. А ты стоишь и смотришь, как оно взрослеет и крепнет, поднимаясь над водой, смеется или хмурится, ласкает землю или отворачивается с презрением, позволяя нещадно заливать ее дождям…

Да, много чего еще говорил учитель математики Кулигин. Только мало кто его в Калинове слушал, чокнутого-то. И как потом оказалось, зря.

Катеринино детство было безоблачным и счастливым, вплоть до той роковой грозы. Встанет Катерина поутру – и на ключ. Так мама ее приучила: в ключевой воде вся женская красота таится, лучше всяких кремов, даже самых дорогих. «Будешь каждый день на роднике умываться, Катерина, и вырастешь такой красавицей, что всякий тебе вслед обернется», – говаривала мама. И совет ее оказался верным.

А цветов в их доме было видимо-невидимо! И в комнатах, и в палисаднике, и даже у калитки. Катерина их так любила, что, опережая маму, сама поливала,

хотя для слабых детских рук лейка была еще тяжела. Но Катерина никогда на трудности не жаловалась, такой уж у нее был характер. Она могла и десять раз подряд на родник сходить, лишь бы ее любимые цветочки не завяли.

Нет, маму она, конечно, любила больше, потому что мамочка была такая ласковая, и наряжала ее, Катерину, как куклу. Так и звала ее:

– Иди сюда, кукла ты моя.

И доставала из платяного шкафа отрезы: ситец, шифон, крепдешин, панбархат… Ткани радугой ложились на стол для раскройки, ожидая, пока над ним, как солнце, сверкнут портновские ножницы, чтобы сотворить чудо. Волшебство начиналось с того, что мама окунала в радугу Катерину, набрасывая на ее плечи отрезы и приговаривая:

– Этот тебе не к лицу, а этот для дам, не для девушек. Этот старит, этот полнит… А вот этот отрез крепдешина аккурат к твоим глазам, дочка! Они как майская трава, пока в силу не вошла и цвет еще не набрала, а не то русалочьи слезы. Зеленые, прозрачные. Тиной пахнут. Так что ты, Катька, не плачь, слышишь? Никогда не плачь.

И сама тайком вытирала слезы. Папы-то у Катерины не было. Калиновские кумушки все судили да гадали: и от кого Мельничи?ха родила такую красавицу-дочку? С огромными зелеными глазами, белоснежной кожей, с густыми волосами, отливающими медью. Не было в Калинове таких мужиков. Разве что в Москву Мельничиха съездила, женскую тоску разогнать. Вот и родила. Как в народе говорят: для себя.

Их фамилия была Мельниковы. Дом, в котором они жили, стоял на отшибе, когда-то давно здесь была не городская окраина, а хутор. И вроде как до революции на этом хуторе стояла мельница. Еще сохранилась старая плотина, правда, почти разрушилась, и заводь. В ней калиновцы давно уже не купались, но охотно удили рыбу. Правда, в заводи теперь было много коряг, и почти вся она затянулась ряской, а вода в ней казалась Катерине страшной, так она была черна. А вот мельницы нет, не уцелела. Даже следов ее не осталось. А может, и не было ее, мельницы-то? Мало ли, что в народе говорят? Калинов – город слухов. Вот и Катеринину маму прозвали Мельничихой, хотя муку она, как и все, покупала в магазине. Мельничиха прослыла в Калинове знатной портнихой,

поэтому в их доме с самого утра толпился народ.

Но одним шитьем кого теперь заманишь? Как только в столицу, а потом и за границу потянулись караваны «челноков», магазины и прилавки Калиновского рынка стали ломиться от нарядов. Мельничиха ловко подгоняла все это китайско-турецкое барахло под кургузых и дородных местных дам, которые все, как одна, не отличались высоким ростом. Мелкий в Калинове был народец, и даже не понятно отчего. Поэтому швейная машинка в доме у Мельничихи не замолкала. Платили кто чем мог. Кто ворованным спиртом с ликеро-водочного завода, кто картошкой из своего огорода, кто услугой. Денег в Калинове ни у кого не было, кроме местной знати, а та к Мельничихе не пойдет. Хотя…

В городе упорно ходили слухи. Мол, Мельничиха знает, как угодить и богатым клиенткам. Перед кем кусок ткани раскинуть, еще той, советской, из старых запасов, когда натурального было больше, чем синтетики, а перед кем и карты. Катерина через щелочку в двери, открыв рот, смотрела, как проворно мелькают мамины полные руки. И веером ложатся на стол уже не отрезы ткани, а короли, дамы, валеты… Хотя Катерину в такие моменты из комнаты выставляли. Это было тайное.

В провинциальном городке Калинове гадалкам верили. И к знахаркам ходили чаще, чем в городскую поликлинику. А картам верили даже больше, чем прогнозу погоды. Поэтому Мельничиха не бедствовала, единственную дочку баловала, одевала, как куклу, закармливала конфетами. А слезы были все от той же женской тоски. С женихами в Калинове было туго, вечером по набережной гуляли почти одни девчонки, они же на дискотеках подпирали стену.

Сегодня у мамы была клиентка. Та самая, из богатых. Поэтому Катерине строго-настрого наказали вести себя тише воды, ниже травы, да и маме было не до нее. Занята.

Клиентка была красивая, статная, и хоть ростом невысока, но под ее властным взглядом все невольно пригибались. Вот и на Катерину сверкнула глазами, словно пронзила, и девочке стало вдруг так страшно. Словно этот взгляд навеки связал Катерину и страшную женщину, как пришил их друг к другу. Хотя, в чем был этот страх, шестилетняя девочка не смогла бы объяснить.

Она просто что-то почувствовала…

«Быть нам вместе, быть нам вместе, быть нам вместе…» Хотя что могла понимать шестилетняя малышка?

Но поддавшись этому чувству, Катерина подглядывать в щелочку не стала, а против обыкновения убежала из дома. Девочке давно уже хотелось прогуляться к заводи, поискать там ландыши. Хотя мама сказала: рано еще, не зацвели. Там, в лесочке у заводи, еще только снег сошел, хотя на дворе уже май. Но весна в этом году была поздней.

Сразу за калиткой на Катерину налетел ветер, небо нахмурилось, сирень, которой здесь были целые заросли, тревожно замахала ветками, словно руками: что ты, девочка, что ты! Не ходи никуда! Не ходи!!! Но ландыши… Катерина соскучилась по их тонкому аромату, от которого ее комнатка наполнялась грезами. «Вот когда я стану совсем-совсем большая, у меня, как у Дюймовочки в конце любимой сказки, тоже будут крылышки, и я встречу своего принца, похожего на эльфа». И Катерина решилась.

Черные тучи собирались над Калиновом с самого утра, мама с клиенткой, перед тем как закрыть в переднюю дверь, тревожно переглядываясь, говорили, что гроза будет. Первая весенняя гроза. И, похоже, сильная. Мама, как всегда, погасила лампадку перед висящей в углу иконой. Гадание – грех. В Калинове и так уже про Мельничиху гуляют нехорошие слухи.

Как только дверь закрылась, о девочке позабыли.

Грозы Катерина не боялась. Она ничего не боялась, ведь она – кукла, любимая мамина дочка. И она отважно направилась к заводи.

Ветер сегодня был такой сильный! Платок с головы так и рвал, да еще настырно задирал подол яркого Катерининого платья. Платье сшила, конечно, мама. Но Катерина, как взрослая, важно прижимала к груди плетеную корзиночку и упрямо шагала к заводи. Она ведь шла за любимыми ландышами!

Что это? Вроде бы гром. А тучи до Калинова еще не добрались. И дождя пока нет. Но гром уже слышно. Его раскаты доносились издалека, со стороны дороги. Оттуда же надвигалась на город огромная черная туча. Но Катерина отважно направилась прямо к заводи…

…– Что, опять?!

Катерина очнулась и не сразу поняла: где она? Внутри все горело, и сама она горела. Лоб, щеки, шея, грудь, даже волосы были сухие, как порох… И в комнате разливался такой яркий свет, что Катерина какое-то время ничего не видела.

Но вскоре поняла: она сидит на кровати в полубессознательном состоянии, бледная, потная, ночная рубашка сползла с плеча. А рядом лежит муж и смотрит на нее с испугом. А свет этот из ее сна. Потому что она опять увидела высокое дерево, в которое ударила молния. Близко-близко, так что и саму Катерину опалило огнем.

– Господи… Опять этот сон… – простонала она. – Не могу больше, Тиша…

– Гроза, что ли, приснилась? – зевнул муж.

– Огонь… Как дерево горит, то самое. В которое молния тогда ударила. Так и стоит перед глазами огромный факел, до небес! И будто я в нем горю!

– Ты просто была тогда маленькой девочкой и сильно испугалась, – попытался утешить ее муж. – Ложись, Катя, спи. Ночь на дворе.

Уснешь тут! Она поежилась и натянула на плечи сползшую ночную рубашку. Теперь Катерину знобило.

– Мне кажется, Тиша, что я умру от грозы, – еле слышно сказала она. – Тогда не убило, убьет сейчас. Мама мне как-то карты раскинула. А больше не стала. Наотрез отказалась. Как попрошу погадать, она прямо в лице меняется. А тогда сказала только: бойся грозы, Катерина. Это твоя кара.

– Пристыдить бы ее надо, твою мамашу полубезумную! – разозлился муж. – А не то пригрозить. Засрала мозги девчонке! Вот послал бог тещу! Будь моя воля – я бы ее в дурке запер!

– Да ты что, Тиша! Сколько она меня по врачам водила, сколько денег потратила! Даже в Москву возила! Я ведь почти год после этого молчала! А потом еще пять лет заикалась, так меня тогда напугало. Мама все сбережения

на мое леченье потратила.

– Да что толку? Все равно вон, ночами не спишь.

– А все мать твоя виновата. Свекровь, – тихо сказала Катерина. И с опаской покосилась на мужа.

Эту тему лучше не поднимать. Не упоминать Кабаниху. Ее не то что Тихон, сын, ее вон, весь город боится! Так и есть! Муж аж в лице изменился! Как же! Жена посмела критиковать саму Хозяйку!

– Ты мою мать не трогай! – взвился Тихон. Проснулся в нем таки Кабанов! Даже голос повысил, хотя Катерина с усмешкой думала иногда, что ее муж так и живет, пришибленный своим именем. Догадались же назвать! Тихон!

– Да что ж мне, и слова сказать нельзя? И так живу, словно в тюрьме. «Да, мама, хорошо, мама, чего хотите, мама?» Если бы ты знал, Тиша, как же мне тяжело ее так называть! Мама… – она передернулась. – Слово теплое, ласковое, а твоя мать – как из стали. Увидишь ее – и дрожь по коже. Словно игольницу проглотила. Мама! Ты помнишь, Тиша, какой был скандал наутро после нашей свадьбы? Когда я за столом обратилась к твоей матери: «Мария Игнатьевна, а мне какое полотенце можно взять, чтобы крошки смахнуть?» Как она на меня тогда наорала! «Зови меня мамой!» – Катерина нервно рассмеялась. – Об этом вроде как просят. А меня отчитали, как маленькую девочку. Нет, во всем, что с нами происходит, виновата твоя мать. И в той давней истории тоже. Когда меня чуть грозой не убило.

– Она-то тут при чем? – вяло огрызнулся Тихон. Запал у мужа быстро проходил.

– Так ведь это она пришла к нам в то утро! Погадать ей, видишь ли, захотелось!

– А твоя от денег-то не отказалась.

– Да будь они прокляты, деньги ваши, кабановские!

– Но-но… – Тихон невольно поежился. Когда жена проклинает, у нее лицо меняется. И глаза горят, словно огоньки на болоте. Есть в Катерине та же

чертовщинка, что и в матери ее, Мельничихе. Ведьмы они обе, как в Калинове говорят. – У меня, между прочим, в тот день отец пропал, если помнишь, – пошел на мировую Тихон. – Мно-ого чего случилось в тот день в Калинове, до сих пор расхлебываем.

– Да, помню, – коротко кивнула она. – Ту грозу в городе не забудут. Пока другая такая же не случится, – и Катерина невольно поежилась.

– Как сейчас помню тот день, – оживился вдруг Тихон. – Был я тогда десятилетним пацаном. С самого утра над городом стали собираться тучи. Отец был какой-то мрачный, да и мать не в себе. За завтраком поругались. Он сказал: «ну, я пошел», – вроде как попрощался. Голос у него такой был, странный. Как только за отцом дверь закрылась – мать меня в охапку и к бабке Насте. А та спрашивает: «Когда вернешься-то, Маша?» Мать посмотрела на нее, тоже странно, и говорит: «Ничего не знаю, мама, сегодня судьба моя решится. Может, я в другой город уеду. А Тиша пока у вас останется». Я давай реветь. Как это я буду без мамки с папкой? А бабушка меня утешать – конфет надавала, колы налила. Мать увидела, что я затих, расплакалась и ушла.

– Но ведь она же вернулась!

– Вернулась, – усмехнулся Тихон. – Только чужая. Словно умерло в ней что-то. В тот же год Варька родилась. Сестра моя. Выходит, что моя мать к Мельничихе беременная уже ходила. Вот странность! Не к врачу пошла, как узнала, что на сносях, а к гадалке! Скажи ты мне: зачем? Что она хотела узнать?

– Ты ведь помнишь, что потом случилось, – тихо сказала Катерина.

– Да, помню, – Тихон откинулся на подушку. – Наш Калинов во все криминальные сводки попал. Кто о нем слышал до того страшного дня? Да никто. А тут: убийство, ограбление банка, гроза эта ужасная. В мае-то месяце молния дерево подожгла! Когда такое было? Да еще отец пропал. Мать потом к следователю затаскали.

– Как думаешь, Мария Игнатьевна знает, где твой отец?

– Все говорят, что да. Не без ее участия все это случилось. Но мать моя – кремень! Недаром же ее Кабанихой прозвали. Весь город в кулаке зажала.

– А ты что думаешь? Она тебе ничего не рассказывала?

– Что ты пристала? – рассердился муж. – Девятнадцать лет прошло! Я-то уж точно ни при чем.

– Но, Тиша… – робко сказала Катерина. – Откуда же у вас такие деньги?

– Ты хочешь сказать, те самые? – усмехнулся муж. – Но тогда отец должен быть жив.

– Ведь свекровь замуж так и не вышла, – задумчиво сказала Катерина. – Не старая еще, красивая, богатая. Может, она знает, что не вдова?

– Это ты Кулигину об этом расскажи, – рассмеялся вдруг Тихон. – Совсем старик помешался. То носился со своей гипотезой Кука. Докажу, мол, и миллион долларов получу. Весь город над ним потешался. А теперь Лев Гаврилович публично заявил, прогуливаясь по набережной, что, пытаясь доказать теорию Кука, постиг суть логики. И любая загадка ему теперь нипочем. А я возьми да и ляпни: тогда скажи, Кулигин, где мой папка? Он и закусился. Я уж и сам не рад, что завел старика. Корпел бы он над своими книжками, глядишь, и доказал бы эту чертову гипотезу. Перельман-то вон, доказал!

– Он отказался от миллиона долларов.

– Кулигин сказал, что возьмет, – Тихон совсем развеселился. – Не для себя, а для людей возьмет. У него большие планы, как наш город обустроить. Фонтан, говорит, на площади построю. Да зачем нам в Калинове фонтан? Ладно, давай, Катя, спать, – он зевнул. – Я вижу, ты успокоилась.

Она вздохнула, легла и прижалась к мужу. Хоть ночи ее. Они с Тишей наконец-то вдвоем, и можно передохнуть от постоянных тычков свекрови. Не туда пошла, не то сделала, не так смотришь… Хотя Катерине все время чудится, что под дверью их спальни кто-то ходит. Глаша, что ли? Кабаниха заставляет прислугу шпионить за сыном. Но что ей за дело до их спальни?

Катерина тайком вздохнула. Есть дело суровой свекрови до их с Тихоном ночей. Вот уже три года, как они женаты, а детей все нет. Мария Игнатьевна чуть ли не

каждый день повторяет, что внуков ей, видать, не дождаться. Сноха бесплодная, дочь беспутная. Варька, та только смеется, ей все нипочем. Страдает за обеих Катерина. И к матери уже не раз бегала: погадай да погадай. Или травок каких-нибудь дай, чтобы ребеночек был. А мать только вздыхает, а не то плачет. Совсем плоха стала.

Господи, ну что за жизнь?! Никакой отдушины. Темное царство какое-то их Калинов. Кругом одни заборы. Набережную отгрохали, как в Москве, Дикой не поскупился. Говорят, на новый срок переизбраться хочет, да Ваня Кудряш тоже в мэры метит. А тут еще и Кулигин планы строит. Мол, сделаю из Калинова райский сад. А по набережной долгое время никто не гулял, все за своими заборами сидели. Не город, а сплошные тайны. Только теперь, летом, в жару, распробовали. Когда дышать нечем стало, а от реки прохлада. Но днем все равно по домам сидят.

А у них, Кабановых, не дом, а дворец. Лучший в городе дом. Даже Дикой уступил, у него поменьше. Зато, говорят, вертолетная площадка есть. Да за таким высоченным забором разве видно? И Катерина живет за глухим забором. Как в гареме каком-то. А Кабаниха – султанша. Будь ее воля, она бы сына еще трижды женила. Жадная. Если денег, то много, если внуков – трое, не меньше. Так она на свадьбе говорила, и чуть ли не первый тост за это подняла…

Да, городок у них… Даром что маленький – а кругом одни тайны. Вот и сиди, гадай – что там, за этими глухими заборами? А разгадаешь – самой тошно станет. Только и останется, что в омут с головой.

Часть первая

Темное царство

Глава 1

Это лето в Калинове выдалось на редкость сухим и знойным. По выжженным солнцем степям гуляли такие ветра, что к середине лета калиновские окрестности напоминали пустыню, где зеленые холмы превратились в барханы, такие же тускло-желтые, без единой травинки.

Старожилы еще в конце мая начали ворчать:

– По всем приметам засуха будет и голод. Весь урожай на полях солнцем спалит, а то, что останется, саранча прикончит. Вон – по земле уже трещины идут! А на небе ни облачка!

И кинулись скупать муку с макаронами. Сначала калиновцы смотрели на это дело искоса да посмеивались. Но время шло, а дождя и в самом деле не было. Так, брызнет, словно из садовой лейки, только что пыль прибьет. А земля по-прежнему твердая, как камень, и трещины в ней все множатся и ширятся. И за макаронами в магазины потянулись уже люди солидные. И даже молодежь, которая давно уже уткнулась в свои гаджеты. Но в голод инет не прокормит. Понукаемые родителями, потянулись за мукой и «продвинутые пользователи».

А любимым местом для вечерней прогулки стала набережная, где ветерок с реки обдувал распаренные зноем, потные лица и можно было обсудить последние калиновские новости.

Этот вечер не был исключением.

– Красота-то какая! Эх! – не выдержал Кулигин, стоя у парапета и глядя на реку.

Чувства переполняли Льва Гавриловича. Вечер и в самом деле был прекрасен: жара спала, пожухшие краски опять заиграли, а закат был похож на слоеный торт в лужице черничного варенья. Золотистые коржи плавились под толстым слоем розового крема, а сверху все это великолепие накрывала пирамида из клубничного желе. Оно все больше оседало, тая на глазах и стекая ручейками в жадно приоткрытый рот короткой июльской ночи, которая спешила насытиться, пока не пришел рассвет.

– Без малого шесть десятков лет прожил на белом свете, а все налюбоваться не могу на матушку-Волгу! – с чувством сказал Кулигин. – Какой сегодня закат! Красок таких нет, чтобы его передать! Да и зачем? Такие закаты надо сердцем

писать и хранить их в памяти, не в музее. Это и есть любовь к Родине, когда ты помнишь, что самый красивый закат – над Волгой, а не над каким-нибудь островом в океане. И это слетает с языка само собой, а не по разнарядке, – Кулигин с досадой отвел взгляд от реки и посмотрел вокруг. – Как чужое все, неродное. И во что только город превратили?

По набережной фланировали, словно галеры под натянутыми ветром парусами, калиновские барышни, демонстрируя наряды. Поскольку главная «бенифициарша» местного рынка Зинка Косая обожала бывать в Турции, то дешевыми тряпками с тамошних барахолок он и был завален. Так что сравнение с галерами было вполне уместным. Калиновская набережная переливалась стразами, звонко цокала каблуками и бессовестно рекламировала фальшивые «Гуччи» с «Дольче Габбанами». Пышными грудями местных красавиц были вывешены недружественные флаги, от британского до звездно-полосатого. Приторно пахло таким же фальшивым «Диором».

Парни, прячась в тени палаток с надписью «кока-кола» или сгрудившись у чахлых деревьев, которые жара прибила и иссушила, не давая им расти, пили пиво и ржали, обсуждая гуляющих. Люди в возрасте чинно сидели на лавочках.

– Давай, Кулигин, и мы с тобой выпьем, – не выдержал Славка Шапкин, местный активист. – Пойдем-ка, Лев Гаврилович, присядем.

И они с учителем математики оккупировали одну из лавочек. Шапкин воровато оглянулся и полез за пазуху. На расстеленную агитационную газету приземлилась бутылка все из-под той же колы и шоколадка «Аленка»:

– Вот.

– Что это? – поморщился Кулигин.

– Как что? Коньяк.

– Да ты что, Славик! – замахал рукой Кулигин. – В такую-то жару!

– Да что тут пить? – Шапкин стал откручивать крышечку. – Я бы еще и за пивом сбегал.

– У меня такое чувство, будто набережную построили для того, чтобы здесь бухать, – поморщился Кулигин. – Да наряды прогуливать, – он кивнул на проходящую мимо троицу.

– Здрасьте, Лев Гаврилыч! – дружно гаркнули девицы и вызывающе выставили пышные бюсты, обтянутые турецким трикотажем. Самая нахальная из трех демонстративно затянулась сигаретой.

– Настя, курить вредно, – вяло сказал Кулигин.

– А я не взатяг. Как там наш Кук поживает? Слово даю: как только вам, Лев Гаврилыч, лям гринов отвалится – я тут же курить брошу.

На набережной раздался взрыв смеха. Осколки брызнули, казалось, под каждое дерево и в каждую палатку, а взрывная волна прокатилась до автобусной остановки. И там тоже засмеялись, хотя так и не поняли, над чем.

– Мы все курить бросим, – давясь смехом, сказали из-под ближайшего к лавочке дерева.

– И бухать, – крикнули от палатки.

Девицы, смеясь, прошли мимо. Шапкин вздохнул и протянул Кулигину пластиковый стаканчик, который предусмотрительно захватил из дома:

– Глотни, Лев Гаврилович. Не обижайся ты на них, темных. Лучше объясни-ка ты мне эту теорию. Что там твой Кук начудил… Погоди, я сначала выпью. – Шапкин отпил из бутылки. – А то по-трезвому мне не понять.

– Да и мне пока не понять, – с досадой сказал Кулигин и глотнул из стаканчика. – Хотя я вот уже тридцать лет над этим бьюсь. Вроде все просто. Есть в мире семь математических загадок, за каждую из которых обещан миллион долларов. То есть было семь. Одну решил Перельман, да и теорему Ферма доказали. А вот Кук… Я ведь не случайно именно в нее вцепился. Показалось, все просто: решение какой-либо задачи часто занимает больше времени, чем проверка правильности решения.

– Это как? – поддакнул Шапкин.

Кулигин почти сорок лет преподавал в одной из двух средних калиновских школ алгебру и геометрию. И тридцать из них начинал чуть ли не каждый урок в старших классах с объяснения гипотезы Кука. Словно надеялся, что в Калинове вдруг родился гений, который натолкнет Льва Гавриловича на мысль, которая и приведет его к разгадке. Или кто-то из его учеников сам докажет, наконец, знаменитую гипотезу. А спрашивал Шапкин от скуки, чтобы поддержать беседу. Ну, о чем еще можно разговаривать с чокнутым? Их с Кулигиным связывало общее дело: оба были местными активистами, экологами. И возглавляли калиновскую оппозицию действующему мэру Степану Дикому.

– Вот представь, Слава, что мы с тобой находимся в большой компании, – Кулигин широко развел руки.

– Ну, представил. Так оно и есть. Вон, весь город здесь гуляет!

– И здесь же находится Ваня Кудряш.

– А где ж ему еще быть? – удивился Шапкин, оглядывая набережную. – Конечно, здесь. Он Варьку Кабанову обхаживает. А ту мать сторожит, Кабаниха. Кудряш и Варька только на набережной и могут встречаться. Кабаниха дочку одну гулять не отпускает, лишь с Катериной да с братом.

– Значит, мы наверняка знаем, что Кудряш здесь. И он в любой момент может пройти мимо. И мы с тобой тут же убедимся в правильности нашего предположения. Один миг – и задача решена. Но мы можем сейчас встать и пойти искать Кудряша. Бог знает, сколько у нас на это уйдет времени. Он ведь мог уже и встретиться с Варей. Мог засесть в одном из кафе. Кудряш здесь, на набережной, но мест, где он может быть, предостаточно. Это и будет решение нашей задачи: идти искать Кудряша.

– Да бог с тобой, Лев Гаврилович! Зачем же его искать?! Он сам на нас выйдет, как зверь на ловца.

– Вот! – Кулигин поднял вверх указательный палец. – Решение этой задачи занимает больше времени, чем проверка правильности решения. Кук еще в 1971 году сформировал свою знаменитую гипотезу: может ли такое быть независимо

от алгоритма проверки? Иными словами, есть ли такой алгоритм действия, благодаря которому, даже не имея информации о том, где находится человек, можно найти его так же быстро, как будто зная, где он находится. Эта проблема является одной из нерешенных пока задач логики и информатики. Ее решение могло бы революционным образом изменить основы криптографии, используемой при передаче и хранении данных…

– Да бог с тобой, Лев Гаврилович! – замахал руками Шапкин. – Вон он, Кудряш!

– Да, действительно, это Кудряш, – с досадой сказал Кулигин, слезая с любимого конька.

Выпив коньячку, старый учитель вошел в раж. Но развить свою мысль Кулигину было не суждено. Появление на набережной Вани Кудряша было сродни взрыву бомбы. Во-первых, Кудряш был самым красивым мужчиной в Калинове. Во-вторых, Кудряш был самым красивым холостым мужчиной в Калинове. В-третьих, Кудряш был самым красивым, богатым и холостым мужчиной в Калинове. И, разумеется, самым завидным в городе женихом.

Кого только ему не сватали! Но Кудряш отшучивался:

– Моя невеста еще не подросла. Жду.

Когда вдруг выяснилось, что это вовсе не шутка, Калинов и взорвался. Восемнадцатилетняя Варя Кабанова была в два раза моложе Кудряша. Когда она окончила школу, то мать, всесильная Кабаниха, лично отвезла дочку на учебу в Москву. Озолотила репетиторов, членов приемной комиссии, вуз, потому что Варвару брали только на платное отделение. Кабаниха сняла дочке квартиру в Москве и вздохнула с облегчением. Но не тут-то было!

Варя завалила первую же сессию. И вовсе не потому, что была глупа или ленива. Она просто была влюблена. Вольный московский воздух словно привел Варю в чувство. Хватило полгода, чтобы девушка поняла: жизнь слишком коротка, чтобы в угоду матери связать себя с нелюбимым, которого та сосватает. Закончить вуз, который Варя возненавидела с первого же взгляда, влиться в семейный бизнес, проклинаемый всем Калиновом, в общем, дать Кабанихе и себя подмять, чего Варя, как истинная дочь своей матери, допустить не могла. И она вернулась в Калинов, а вскоре открыто сошлась с Кудряшом.

Столкнулись два сильных характера, и пока побеждала мать, у которой было больше жизненного опыта, хитрости и денег. То есть они все были ее. Но Варя огрызалась, и очень умело. Расставаться с Кудряшом она не собиралась. Весь Калинов, замирая, наблюдал за этим противостоянием.

Кудряш и Варя прилюдно встречались вечерами на набережной. Страстно целовались на глазах у всего Калинова, ходили в обнимку вдоль лавочек, на которых сидели городские сплетницы. Словом, демонстрировали свое презрение к общественному мнению и свободу выбора.

– Что ты делаешь, дуреха?! – орала на Варю мать. – У него же баб, как грязи! Ванька твой – первый в городе кобель! Потому и не женат до сих пор. Ему не ты нужна, а твои деньги. То есть мои.

– У него и своих хватает, – парировала Варя.

– Потому что он бандит!

– Тогда и Дикой бандит, мэр наш и твой большой приятель. Ваня-то у него работает, в администрации.

– Не говори о том, чего не знаешь!

Но, видать, Кабаниха нажала. В историю вмешался Дикой и поставил своего ближайшего помощника Ваню Кудряша перед выбором: или – или. Оставь в покое дочку Марии Кабановой или катись к чертям. Но Кудряш был не тот человек, которому можно было безнаказанно ставить ультиматумы. Среди мелковатого калиновского народа разве только таинственно исчезнувший девятнадцать лет назад муж Кабанихи был Кудряшу под стать. Тот тоже возвышался над всеми калиновцами почти на голову и, войдя в комнату, казалось, заполнял собою все свободное пространство. Человек-гора, на которого и взгляд-то боязно поднять. Страшен! Только Иван Кабанов был угрюм и неразговорчив, а Ваня Кудряш – само обаяние, когда он этого хотел. Калиновские женщины просто таяли под этим взглядом, который мгновенно темнел от страсти и так же быстро светлел от любви, когда Кудряш ласкал глазами ту, которую…

Глава 2

В общем, расстановка сил в Калинове к той вечерней прогулке по набережной, послужившей невольным толчком дальнейших роковых событий, была такова. Дикой готовился в очередной раз переизбраться мэром. С одной стороны ему противостоял Иван Кудряш, который зимой уволился из городской администрации и начал собственную избирательную кампанию. Его поддержал средний калиновский бизнес и, по слухам, некие влиятельные левые из столицы. С другой стороны активисты Калинова, в основном пенсионеры и экологи, собирались выдвинуть в мэры Кулигина. Когда-то Лев Гаврилович был активным правым, но теперь и Кулигин предпочитал независимость.

Словно королева на шахматной доске, исход этой партии могла решить стремительным маневром грозная Кабаниха, самая богатая в городе женщина, которая поддерживала своего большого приятеля Степана Дикого. Но ее дочь Варя как кошка была влюблена в Кудряша и шпионила в его пользу, ловя каждое слово матери. Кулигин пытался раздобыть миллион долларов, решив гипотезу Кука, чтобы тоже начать избирательную кампанию.

А в начале весны в Калинове появился племянник Дикого, Борис. И город, в котором вот уже без малого два десятка лет народ жил тихо и спокойно, опять забурлил.

История эта какое-то время была в топ-новостях инета: разорение и самоубийство миллионера Григория Стасова, сводного брата действующего калиновского мэра. Мать Степана Дикого, Анфиса Михайловна, замужем была единожды, но сыновей у нее было двое, от разных отцов. Еще в советское время, где-то в середине шестидесятых, Анфиса Стасова, тогда еще молодая девушка, уехала попытать в столице счастья. И вроде бы удача Анфисе улыбнулась. Она встретила молодого, красивого, обеспеченного москвича из хорошей семьи.

Да только москвич жениться не спешил. Они с Анфисой встречались года два, пока она не забеременела. И вот тут ее ждал удар. Любимый ребенка признать отказался. Обычная история. Анфисе пришлось с позором вернуться в Калинов, где она и родила мальчика. Но вскоре удача ей опять улыбнулась. Откуда-то из Сибири приехал в Калинов наладчик автоматизированных поточных линий Прокофий Дикой и устроился работать на ликеро-водочный завод, где

хорошенькая Анфиса Стасова подвизалась директорской секретаршей. И хотя Дикой был уже не молод, плешив и красотой не отличался, в Калинове он все равно считался завидным женихом. На безрыбье, как говорится.

И вот из всех калиновских невест Прокофий вдруг выбрал гулящую, как в городе говорили, Анфису. Хотя, кроме отца ее ребенка, других мужчин Анфиса Стасова не знала. Но это ведь Калинов! Прокофий Дикой на ней женился, усыновил ребенка, и жили они, в общем-то, счастливо.

Но получив аттестат зрелости, Гриша Стасов тоже решил поехать за высшим образованием в Москву. Мать провожала его скрепя сердце, как чувствовала, что теряет старшего сына. В Москве Гриша встретился со своим настоящим отцом, который к этому времени образумился. Признал сына, стал ему помогать. Тем временем у Гриши в Калинове подрастал сводный брат Степан.

С самого начала братья не ладили. И судьбы у них сложились по-разному. Григорий при помощи московской родни, отцовского влияния и денег стал крупным бизнесменом, повезло ему быстро и сразу, а Степан пошел в армию, оттуда в охрану, а потом в политику, всего добившись самостоятельно. После кризиса, грянувшего вослед сытым нулевым, Григорий Стасов начал скатываться к банкротству. Приобретший к этому времени влиятельных покровителей и вес в обществе Степан Дикой категорически отказался помогать сводному брату. И заявил об этом публично. Я, мол, человек государственный и в бизнес вкладываться не собираюсь, даже если это бизнес моего брата.

Закончилось все печально. Когда Григория Стасова публично объявили банкротом, он застрелился. А перед этим убил свою жену. Поговаривали, что бывшая модель хотела бросить мужа-банкрота и попытать счастья в другом месте. Их дети уже были взрослыми: Борису двадцать семь, Лене двадцать четыре. Оба получили образование за границей и подолгу там жили.

И вот теперь оба они не знали, что делать. Пришлось обратиться к дяде. Дикой велел обоим племянникам приехать в Калинов. Но приехал один лишь Борис. Его появление произвело в маленьком провинциальном городке настоящий переполох. Если Кудряш по праву считался самым красивым мужчиной в Калинове, то Борису Стасову без борьбы достался титул самого красивого калиновского парня, как только он здесь поселился. Они были как лед и пламень: утонченный, голубоглазый, сдержанный в своих эмоциях Борис Стасов и высоченный, смуглый, как цыган, Ваня Кудряш, карие глаза которого в минуты

ярости были похожи на горящие угли. А из себя Кудряш в отличие от Бориса выходил довольно часто.

Один всегда носил костюмы, итальянские или английские, светлые сорочки, тоже импортные, ботинки или мокасины и был чуть ли не единственным в Калинове парнем, который ходил на маникюр! Его овальные розовые ногти были тщательно отполированы, а сами руки, мягкие и белые, приводили в трепет калиновских женщин, которые смущенно прятали свои, как только появлялся Борис.

Кудряш любой другой одежде предпочитал спортивную, ну, еще джинсы. Костюмы он тоже носил, работа обязывала, но «удавку», как Иван называл ненавистный галстук, надевал лишь в исключительных случаях. Его руки тоже заставляли калиновских дам дрожать и смущенно отводить взгляд, так они были огромны. Кудряш совершенно спокойно мог ходить по ночным калиновским улицам: едва завидев его высоченную фигуру, хулиганье спешило нырнуть в подворотню.

Один любил английские и американские романы, причем читал их в подлиннике, другой со школы не брал в руки художественную книжку, никакую.

Тем не менее, несмотря на десятилетнюю разницу в возрасте, поразительное несходство характеров и то, что одному Дикой был враг, а другому ближайший родственник, эти двое вдруг стали друзьями. Оба были холостые, красавцы и при деньгах. Не прошло и недели, как их стали вместе видеть в самом дорогом калиновском ресторане. И почти всегда – в компании девиц.

В свободное от гулянок время Борис гонял по городу на своей спортивной красной машине с откидным верхом, приводя в экстаз калиновских женщин, и вроде как работал в банке, куда пристроил его дядя. Работа эта заключалась в том, что Борис приезжал туда часам к десяти, томился до обеда в своем кабинете, а после искал повод, чтобы улизнуть. Поскольку Борис был племянником мэра, то ему было дозволено все. Дикой пока закрывал на такое поведение племянника глаза, но кое-кто уже слышал, как они ругались.

И опять пошли пересуды. Словно снежный ком по Калинову катился, несмотря на то что на дворе было огненное лето. Почему Дикой так не ладит с

племянником? Казалось, радоваться должен. У мэра три дочери, да мать с ними живет, старуха Дикая. До появления в городе Бориса горожане постоянно шутили:

– Повезло Дикому, в малиннике живет. Мать, жена, три дочки. Недавно с горя купил на рынке собаку. Назвал Алтаем, оказалось – сука. Отдать жалко, привыкли. Так и живет. На одного – шесть баб. То-то Степка все время злой.

Но Борис, поселившийся в этом женском царстве, не сделал мэра мягче, напротив, разозлил его еще больше. Что-то они никак не могли поделить. Это было выгодно Кудряшу, который аккуратно, но настойчиво начал обрабатывать Бориса…

…– День добрый, Лев Гаврилович.

– И тебе доброго времени суток, Ваня. Ты ведь будто в другом измерении живешь. У тебя день, а у нас в Калинове почти ночь.

– Ну, не один я так живу! – рассмеялся Кудряш и метнул в урну окурок. Одновременно Ваня швырнул на скамейку красную олимпийку, обвязанную вокруг пояса, пока он бежал по набережной.

Теперь Кудряш был в спортивных красных трусах и мокрой от пота майке-«алкоголичке». Черные кудри прилипли ко лбу, смуглая кожа блестела так, будто была смазана маслом. Проходящие мимо барышни прямо не знали, куда смотреть, то ли на мускулистые ноги, полностью открытые спортивными трусами, то ли на торс Кудряша, обтянутый мокрой от пота майкой. Рельефная мускулатура распирала ткань, и барышни смущенно отводили глаза.

– Ну как так можно, Ваня, – покачал головой Кулигин. – Спортсмен – и куришь. После пробежки сигарета, это же надо!

– А я умею совмещать несовместимое, – ухмыльнулся Кудряш, сканируя взглядом набережную. – Кабановых не видели? – вроде бы небрежно спросил он.

– Есть такая штука, мобильный телефон называется, – не выдержал Шапкин. Кудряш стоял на набережной, будто памятник. Ноги-колонны, накачанный пресс весь в кубиках, широченные плечи, гордо поднятая красивая голова. Даже парни в палатках затихли. Ты подумай! На городскую набережную – в трусах! Силен! – Или тебе от дома отказано?

– Где ты этого нахватался, Шапкин? Отказано! Здесь не Париж – Калинов. Просто Кабаниха взялась эсэмэски читать в Варькином телефоне. И ты подумай! Даже освоила WhatsApp! Даром что в клавиатуру до сих пор одним пальцем тычет. Указательным. Другие у нее не функционируют. Ладно, подожду, – он присел на лавочку. – Что это? – Кудряш кивнул на бутылку. – Бухаете, что ли?

– Культурно проводим время, – обиделся Шапкин.

– Есть такая штука, ресторан называется, – хмыкнул Кудряш. – Как раз для того, чтобы культурно проводить время. А ты, Шапкин, бухаешь.

– Ты мне не тычь! – взвился тот. – Я намного старше тебя!

– А ты вызови меня на дуэль, – Кудряш лениво развалился на скамейке. – Я к тебе на «вы» буду обращаться, когда у тебя, так же как у меня, будет свой офис. Хотя бы кабинет.

– И будет! – Шапкин возмущенно поправил сползшие очки. – Мы тебя на выборах сделаем!

Кудряш не выдержал и расхохотался.

– Ох, насмешил, – сказал он, вытирая слезы. – Кто ты есть? Эколог паршивый. На тебя даже бюджет не выделили. А своих денег у тебя нет.

– Ваня, перестань, – мягко сказал Кулигин. – Ты ведешь себя некультурно.

– Только из уважения к вам, – Кудряш вздохнул и выпрямился. – Вы меня хорошо математике научили. Учитель вы от Бога, Лев Гаврилович, только вот в политику вам соваться не надо. Занимайтесь своей ученой чепухой.

– Это не чепуха, – рассердился вдруг Кулигин. – И я это докажу.

– Интересно как? – прищурился Кудряш.

– Мне Тиша Кабанов недавно подсказал идею. Покажите, говорит, свою гипотезу в действии. Насчет человека, которого можно найти, даже не имея информации о том, где он находится. У меня девятнадцать лет назад отец пропал, вот вы и постройте свой уникальный алгоритм на конкретном примере. Тогда вам все поверят.

– Ну, это он пошутил! – отмахнулся Кудряш. – Небось, простить не может, что вы ему экзаменационную контрольную решать не стали, сколько бы вам денег его мать ни предлагала. И списать не дали. И получил наш Тишка свой законный тройбан. Хотя все равно в шоколаде. Мамочке спасибо. Кстати, Лев Гаврилович, а почему вы взятки не берете? Глядишь – и насобирали бы свой миллион. Не надо было бы над задачкой париться.

– Это нечестные деньги, – сердито сказал Кулигин. – И добра от них не будет.

– Тогда и вас в городской управе не будет, – пожал могучими плечами Кудряш. – В борьбе за правое дело все средства хорошие.

– Твое дело не правое, Ваня.

– Ба! Да я и забыл! Мы ведь с вами, Лев Гаврилович, теперь по разные стороны баррикады! Вроде как вы мой соперник теперь, – Кудряш еле сдержал смешок.

– Да, мы по разные стороны баррикады, – твердо сказал Кулигин. – Я хочу сделать из нашего города райский сад, а ты, прости господи, бордель.

– Содом и Гоморру, – поддакнул Шапкин.

– Я хочу построить в городе торговый центр. Это плохо? – разозлился вдруг и Кудряш.

– А то их нет!

– Такого большого нет. Школу еще одну построю. Дома новые.

– За сколько же квартиры в них продавать будешь? – прищурился Кулигин.

– Пусть берут в ипотеку, я процент положу небольшой.

– Рабов ты себе хочешь, Ваня, – вздохнул Кулигин. – Чтобы весь Калинов на тебя горбатился. Ты потому и Варвару Кабанову обхаживаешь. Когда любят – по-другому смотрят. А потому я буду с тобой бороться, не взыщи, – твердо сказал он.

– А вы у людей спросите, чего они больше хотят? Дешевого бухла круглый год или клубники зимой? Ответ известен. Наш Калинов уже лет сто не просыхает. Как начали при большевиках бухать, так до сих пор остановиться не могут.

– Не все ведь пьют, – тихо сказал Кулигин. – Ты-то, Ваня, не пьешь.

– Это вам кто сказал? – прищурился Кудряш.

– Я тебя пьяным ни разу еще не видел.

– Вам повезло, – ухмыльнулся Кудряш.

– Все равно ты не прав. Мир спасет красота.

– Не красота, а халява, забудьте вы своего любимого Достоевского. Людишки деградируют, работать не хотят, ничего не хотят. И не нужны им фонтаны на набережной, которые вы им сулите, Лев Гаврилович, а вот дешевые кафешки с бесплатным вай-фаем и хот-доги с бургерами навынос нужны. Наши бабы уже салаты готовые в маркете покупают. Никогда бы не подумал, что до этого доживу.

– Я с тобой категорически не согласен. Если бы такие, как ты, не развращали людей, они бы не поддались соблазнам. А красоты они просто не видели. И я им ее покажу.

– Сначала денег раздобудьте, – усмехнулся Кудряш. – Как вы сказали? Кабанова собираетесь найти? Спустя девятнадцать лет? Так ведь все быльем давно поросло.

– Ошибаешься. Уголовное дело возбудили, Кабанова объявили в розыск. Да и деньги пропали государственные. Банк-то, где работал Кабанов, с государственным участием. Крупная сумма пропала. Такие преступления не имеют срока давности. Ты невнимательно читал Уголовный кодекс и поправки к нему.

– А я его вообще не читал. Зачем мне? – пожал плечами Кудряш. – Значит, вы говорите, что дело об исчезновении Кабанова срока давности не имеет?

– Я думаю, преступнику с рук не спустят, кем он бы ни был. Я раньше об этом как-то не задумывался. Меня тогда вообще в городе не было. Решил на майские праздники в Санкт-Петербург прокатиться, денег подкопил. Дачи-то у меня нет. В школе попросил подменить на пару дней. В эти-то два дня все и случилось. Пришлось мне сейчас пойти в библиотеку, – Кулигин тяжело вздохнул. – Благо старые газетные подшивки сохранились.

– Есть такая штука, инет называется. Или вы не в ладах? – насмешливо посмотрел на учителя Кудряш.

– В ладах, Ваня, в ладах. Но я человек в возрасте, я привык по старинке. Мне нужны просто факты, чтобы построить свой алгоритм. Голые факты, всего лишь. Исходные данные. А они таковы. Шестого мая двухтысячного года ликероводочный завод решил в полном объеме выплатить своим сотрудникам зарплату. В Калинове собирались с помпой отпраздновать День Победы. Вот чтобы и детишек порадовать, и взрослых не обделить, решили выплату не задерживать. Иван Кабанов был старшим инкассатором. Он получил в банке деньги, принял их, пересчитал, расписался за них и, сопровождаемый водителем-охранником Березой, отнес в инкассаторскую бронированную машину. Говорят, что в этот день с самого утра над Калиновом начала собираться гроза.

– Да, было такое, – поддакнул Шапкин. – Я как раз огород копал…

– Огород – это камень преткновения, – твердо сказал Кулигин. – Переменная икс. Потому что за городом в нарушение всех должностных инструкций водитель Семен Береза отпросился у своего начальника к теще, копать огород. Береза только-только женился и хотел перед тещей выслужиться, тем более тесть спину потянул. Вот охранник и решил устроить себе «короткий день» перед очередными майскими выходными. Калинов – городок провинциальный, тихий. Много какие правила здесь нарушаются. Все решается по-свойски. Вот и Кабанов своего напарника отпустил. Тем более Кабанов и сам начинал водителем, а потом дослужился до старшего инкассатора. Таким образом, за город он выехал один. До ликеро-водочного завода километров пять, не больше. Место тихое, спокойное, практически безлюдное. Никто за деньги и не опасался. Все мы помним Ваню Кабанова. Могучий был мужик! Бывший десантник, спортсмен. Последнее сообщение поступило от него в одиннадцать утра. Кабанов по рации сказал, что на дороге лежит поваленное дерево. И что он должен выйти из машины, чтобы его убрать. При Кабанове было табельное оружие, и, как сказал тогда старший инкассатор, выходя из бронемашины, он на всякий случай снял пистолет с предохранителя. Больше Кабанов на связь не выходил. Как в воду канул. Вышел из бронемашины и исчез. Как потом выяснилось, вместе с деньгами. А сумма была немалая. В пересчете по тамошнему курсу порядка миллиона долларов.

– Это вы в газетах вычитали? – серьезно спросил Кудряш.

– В газетах, – кивнул Кулигин. – И теперь у нас появляется переменная игрек. Максим Копалин, ранее судимый за разбой. Это его труп нашли возле поваленного дерева и брошенной бронемашины. А также пистолет марки «Токарев». Пистолет этот был украден при другом ограблении. Когда минувшей зимой вскрыли дачу Зинки Косой. Кстати, Зинаида хранила оружие незаконно, в чем и призналась. Испугалась, что из пистолета кого-нибудь убьют и на нее свалят. У Косой много врагов. А пистолет она «достала» у сотрудника милиции, уволенного за коррупцию из органов.

– Сколько же вы всего вычитали, Лев Гаврилович! – восхитился Кудряш. – И даже про «ТТ»! Это что, переменная зет?

– Возможно. Но я бы его в уравнение не брал, этот пистолет. Да, еще одна важная вещь. У Копалина и Кабанова была одна группа крови.

– И что? – хором спросили Кудряш и Шапкин.

– Да так. Мысли вслух. Из пистолета марки «ТТ», по словам экспертов, было произведено два выстрела…

– Я помню ту весну, – задумчиво сказал Кудряш. – Мне как раз восемнадцать стукнуло, и тут же в армию загребли. А тут вон какие события! Жаль, что без меня это было.

– Жаль, Ваня, что ливень начался, – вздохнул Кулигин. – И какой ливень! Прямо водопад! Все следы смыло. По факту: нашли труп рецидивиста Копалина, нашли инкассаторскую бронемашину, нашли пистолет «ТТ», украденный у Зинаиды Косой, но не нашли Кабанова и деньги. Первым делом к следователю вызвали жену Кабанова. Но это все равно что пытаться высечь искру из скалы – допрашивать нашу Марию Игнатьевну. Потом принялись за Березу. Потом…

– Погоди-ка, Лев Гаврилович, – положил ему руку на колено Кудряш. – Никак Дикой опять Борьку ругает?

Глава 3

На городской набережной и в самом деле появились новые персонажи. Сначала подкатила красная спортивная машина с откидным верхом, потом к машине подскочил рассерженный Дикой и принялся отчитывать племянника:

– Я тебе сколько уж раз, Борька, говорил! Прекрати гонять по городу на этой машине!

– Да чем она тебе так не нравится, дядя?

– Она без крыши!

– Так ведь жарко!

– У нас тут так не принято! И еще она красная!

– Отличный цвет.

– Отличный цвет для мужчины – черный, – засопел Дикой. – А еще машина должна быть вместительной.

– Да зачем?

– Затем, что так положено! – рявкнул Степан Прокофьевич. – Ты, Борька, теперь в Калинове живешь, не в Москве! И понты эти московские забудь!

– Я никогда не покупал вещи для, как ты говоришь, дядя, понтов. Каждая покупка соответствовала состоянию моей души.

– Да откуда у тебя душа-то? Молод еще!

– Душа есть у человека в любом возрасте, – тонко улыбнулся Борис. – Даже у ребенка.

– Поговори мне! Я здесь мэр! И моему племяннику не пристало ездить на такой машине! Ты меня, Борька, нарочно позоришь. Возьми, вон, теткину машину. Софья все равно целыми днями дома сидит, или ее мой личный шофер возит. А не то прогуляйся, племянничек, до банка пешком. Тут идти-то десять минут, неспешным шагом. Заодно воздухом подышишь.

– Идти в банк пешком?! – видно было, как Борис оскорбился. – Я не знаю, как тут у вас в Калинове, но это во всем мире не принято. Я бывал во многих странах, и вот что я тебе скажу, дядя…

– Заткнись! Щенок. Учить ты меня будешь, – Дикой вытер пот, рекой струящийся по мясистым щекам. – Доучились там, в Парижах своих. Старших не уважают, газет не читают, телевизор не смотрят. Вот свалился на мою голову! Я тебе сказал, больше повторять не стану: продай свою машину. Заодно и деньги будут, хватит к бабке бегать. Я в твои годы уже своими мозгами жил и деньги не клянчил, а зарабатывал. Об остальном я с тобой потом переговорю. Когда увижу, что ты меня уважил. Я тебе, Борька, только добра желаю. Будешь слушать меня – все у тебя будет. А не уважишь – получишь коленом под зад.

– Хорошо, дядя, – через силу сказал Борис. – Я постараюсь что-нибудь придумать.

– Вот и постарайся! Уф… Жара… Пойду пивка, что ли, глотну.

Борис хотел съязвить, но удержался. Он уже заметил Кудряша. Едва Дикой скрылся в ближайшей палатке, где продавали пиво и нехитрую закуску, Борис направился к скамейке, где сидели Кудряш, Кулигин и Шапкин.

– Добрый вечер. Как вы поживаете? – сказал Борис, обращаясь сразу ко всем.

– Англичанин хренов, – фыркнул Кудряш. – Ты чего так вырядился? – И он выразительно оглядел белый летний костюм, в который был одет Борис. Взгляд Кудряша остановился на мокасинах из тончайшей кожи. – Небось, крокодил? А не то – змеиные. Умора!

– Ты-то хоть молчи, – не выдержал Борис. – Это просто костюм, понятно?

– В такую-то жару! Да еще на набережной! У нас тут так не принято. Хочешь выпендриться – надень джинсы, настоящие, фирменные, из Италии. Хотя все равно не поймут. Зинка Косая сказала, что турки все итальянские бренды скупили. Так что не отличишь. Надень лучше штаны адидасовские, настоящие, сшитые… Где там их шьют, а? – Кудряш озадаченно посмотрел на Бориса.

– В Адидасе, – ехидно ответил тот. – Я не хожу по улице в спортивных штанах. Даже по набережной, – продолжал язвить Борис.

– Выучили вас во всяких там Лондонах на свою голову. Ты глянь, – Кудряш принюхался. – И даже не вспотел в костюме-то! В такую дикую жару! Этому там что, тоже учат? – с любопытством спросил он.

– Нет, это дело привычки. Я просто хорошо воспитан. В трусах, между прочим, ходить по улицам еще неприличней, чем в костюме от Бриони.

– Молодой человек правильно говорит, – вмешался Кулигин. Борис учился за границей, не у него, поэтому старик относился к племяннику Дикого несколько настороженно. – Ты, Ваня, бросаешь вызов обществу. Впрочем, ты всегда такой

был, еще со школы.

– Извините, нас не представили, – Борис внимательно посмотрел на старого учителя.

– Кулигин Лев Гаврилович, учитель математики, – торжественно сказал Шапкин, приподняв соломенную шляпу канотье, скрывавшую огромную лысину. – Ну а я Шапкин Вячеслав Иванович, активист.

– Я уже заметил, что Иван – самое популярное мужское имя в Калинове, – улыбнулся Борис. – Это чтобы не возмущать общественное мнение, да? Боишься сплетен – назови сына Иваном. Нейтрально.

– Совершенно верно, – улыбнулся вдруг и Кулигин. Видно было, что вежливый и неглупый Борис ему симпатичен. – А девочку Машей. У нас здесь, Борис Григорьевич, наитипичнейшая матушка Русь. Сплошь Марьи да Иваны.

– Которые не ездят на красных спортивных машинах с откидным верхом и парадной одеждой считают фирменный спортивный костюм, – закончил его мысль Борис. В его голосе слышалось легкое презрение.

– Зря язвишь, – Кудряш поднялся и хлопнул Бориса по плечу. – Тачку все равно придется продать. Не переживай – я тебе по дешевке уступлю свой «крузак».

– Я принципиально не езжу на джипах! Это моветон!

– Ничего, поживешь в Калинове годик-другой, и ты таким станешь, – философски заметил Кудряш. – А пока поехали в кабак. Устриц дю валлон не обещаю, но раки знатные. Аккурат под наш разговор, – он с намеком посмотрел на Бориса. – Лев Гаврилович, я не дослушал ваш увлекательный рассказ об ограблении банка, но, как и все, жажду продолжения.

– И оно последует, – заверил его Кулигин. – Свой гениальный алгоритм я обещаю начертать в течение ближайшего месяца.

– Так быстро? – вскинул брови Кудряш. – Менты девятнадцать лет искали, не нашли. И не найдут.

– Они у нас в Калинове не больно-то расторопны. И у них нет того, что есть у меня.

– Чего, интересно? – с любопытством спросил Борис.

– Головы, молодой человек. В которую заложены основы логики и математики.

– Совсем старик чокнулся, – негромко сказал Кудряш и, обняв Бориса за плечи, повел его в самый конец набережной. Туда, где стояла пока еще не проданная спортивная машина племянника мэра, вызывающая нездоровый ажиотаж в провинциальном Калинове.

– Стасов одет, как принц, – вздохнула стоящая в темноте лавочка нежным девичьим голосом. – Я уж и не думала, что увижу такое. Словно с картинки сошел в глянцевом журнале.

– Ты посмотри лучше, какие мускулы у Кудряша! Говорят, он своими ручищами подкову разгибает!

– Да пусть хоть об коленку ломает. Все равно мужлан. Вот Стасов – это да! Сколько в нем стиля!

– Замолчите обе. Эти двое не про нас. Кудряш вот-вот на Варьке Кабановой женится, а Борьку Стасова дядя куда-нибудь пристроит. Такой товар грех не продать с большой для себя выгодой. Дикой – скупердяй, каких мало. Он из Борисовой красоты выжмет целый капитал. Дикому ведь трех девок надо замуж выдавать. Помяните мое слово, осень в Калинове богата будет на свадьбы.

– Как бы не на похороны. У Дикого в доме – клубок ядовитых змей. Одна Сонька-гадюка, другая кобра. Я про бабку Дикую говорю. Да еще три гюрзы подрастают, Верка, Валька и Любка. А Кудряш – он сам по себе. И не Варьку он любит.

– А кого? – спросила лавочка хором.

– Поживем – увидим.

Глава 4

Сначала они заехали домой к Кудряшу, чтобы тот переоделся. На самом деле, издеваясь над Борисом, Кудряш слегка переигрывал. Прекрасных костюмов и в его гардеробе хватало. Что касается дома, в котором жил Кудряш, типичным был лишь забор. Настоящий, калиновский, почти в два человеческих роста, да еще и глухой. Борис недоумевал:

– Что вы здесь прячете за такими заборами?

– Поживешь – увидишь, – загадочно отвечал Кудряш.

Что до него самого, то он прятал шале, абсолютно нетипичное для Калинова. Черепичная крыша, выступающие карнизы, вьющийся по шпалерам виноград и сияющая вымытыми стеклами огромная веранда, – сплошь натуральное дерево. В окруженном привольными степями Калинове предпочитали строить дома из кирпича, а печи топить углем. Дерево было редким и довольно дорогим материалом.

Внутри шале была все та же наигранная простота, отличающаяся комфортом и уютом. Та самая простота, которая подчас дороже кричащей роскоши и стоит безумных денег.

– У тебя хороший вкус, – удивленно сказал Борис, когда впервые вошел в этот дом, который Стасова сразу покорил.

Борис скучал по уютным альпийским домикам, где, уставший за день на горных склонах, сидел у камина с кружкой глинтвейна. Скучал по Швейцарии, где несколько лет учился, по туманному Лондону, который был ему гораздо ближе по менталитету, чем родная Москва, тоже хмурая, но в отличие от Лондона, похожего на феминистку, отличающуюся свободой нравов, российская столица была барышней строгих правил. У Кудряша Борису было комфортно, здесь он отдыхал и наслаждался жизнью.

Ваня Кудряш лишь играл в простоту. На самом деле человеком он был о-очень непростым. И его душа была окружена таким высоким забором, до которого было далеко даже калиновским. Пока Борис пил в гостиной аперитив, Кудряш

принял душ и переоделся тоже в светлый костюм, только галстук повязывать не стал.

– Где и как вечер проведем? – тонко улыбнулся Борис, глядя, как Кудряш причесывает свои жесткие, будто проволока, волосы. – Я бы посоветовал тебе постричься покороче. У тебя хорошая форма черепа, и уши не торчат. Что до фигуры…

– Ты, часом, не гей? – оборвал его Кудряш. – Разбираешь мои стати, будто клеишь.

– Нет, я не гей, – еще тоньше улыбнулся Борис. – Просто у меня развито чувство прекрасного. А ты прекрасен, как герой античности. Я тоже недурен, поэтому конкуренции не опасаюсь. Мы с тобой очень разные, – он со вздохом посмотрел на опустевший бокал: – Ты поведешь машину? Я бы выпил еще. Твой мохито хорош, как и твой дом.

– Успокойся: кто из гаишников не знает твою тачку? Главное, в столб не влепись.

– Я не до такой степень пьян, – рассмеялся Борис. – Что, поехали? Где подают раков, которых ты так аппетитно расписываешь?

– В одном чудесном местечке за городом. Там же, где они водятся, раки эти.

– Любишь все натуральное? – с интересом спросил Борис.

– У меня тоже развито чувство прекрасного. Давай, двигай, – и Кудряш слегка подтолкнул Бориса в спину.

…Пока они ждали раков, разговор шел ни о чем. Обсуждали калиновских женщин.

– С кем бы любовь закрутить? – мечтательно сказал Борис. – Вечера в дядином доме долгие и невыносимо скучные. Тетка глупа, бабка из ума выжила, двоюродные сестры забавны, но не больше. Что до дяди, то он самодур. Мое чувство прекрасного вянет, как только я переступаю порог гостиной. Они все

смотрят на меня, как на дикаря, хотя дикари-то они. Но их большинство. Изгой всегда тот, кто в меньшинстве, даже если он сто раз прав.

– Прекрасное, гм-м-м… – Кудряш наморщил лоб. – Прекрасное и у нас в Калинове есть…

– Катерина, – сказали они хором и переглянулись. И оба резко замолчали.

– Я недавно специально ждал ее у школы, – заговорил наконец Борис. – Как вышла за ворота – предложил подвезти. Она мне ни слова не сказала, представляешь? Хотя бы отказала. Шарахнулась от моей машины, как многие замужние женщины делают. Нет, она просто прошла мимо меня, словно бы я – пустое место.

– Хороший знак, – усмехнулся Кудряш. – Мне она прямо сказала: оставь меня в покое.

– Это было до или после того, как она вышла замуж? – с любопытством спросил Борис.

– До, – признался Кудряш. – Разве я мог пройти мимо самой красивой девушки в Калинове?

– Странно, почему она вышла замуж за Кабанова? Он же никакой. Да еще и зашибает. Ни за что не поверю, что из-за денег.

– Из жалости, – серьезно сказал Кудряш. – И чтобы от меня отделаться. Спрятаться за высоченным кабановским забором. Там-то я ее уж точно не достану. А вот ты… – он оценивающе посмотрел на Бориса.

– Ну-ну, продолжай…

– Ты как жить-то собираешься, Боря?

Им как раз принесли раков. Стасов даже решился на пиво, напиток, который он считал плебейским. Но теперь белоснежный пиджак от Бриони небрежно висел на спинке стула, за перилами веранды, словно рыба, пойманная в сети,

серебрилась чешуей пахнущая тиной речная вода, а разговор становился задушевным. И какое-нибудь «Шардоне» не пошло бы. А вот пиво…

– Как жить, говоришь? – Борис тяжело вздохнул. – Да я и сам не знаю. У дяди на меня какие-то планы, но я точно знаю, что с моими они не совпадают, – он грустно улыбнулся. – Я здесь чужой. Думал, приживусь, освоюсь. Но увы. Провинция не для меня.

– А что с папиными деньгами? – осторожно спросил Кудряш.

– А ничего. Все имущество описано, бизнес убыточен, да еще огромные долги остались.

– Сколько? – подался вперед Кудряш.

– Два «ярда», – беспечно сказал Борис.

– Сколько-сколько?!

– Да рублей, успокойся.

– Ничего себе! Сумасшедшие деньги!

– С меня пока не требуют. Как говорится, сын за отца не отвечает, но у меня нет ни денег, ни имущества. В бизнесе я ничего не смыслю, меня с детства баловали и ото всего оберегали. Да, я знаю иностранные языки, у меня прекрасное образование, я много поездил, мир посмотрел, знаю, как правильно кушать омаров и какое вино сочетается с фуа-гра. Но какое применение все это может найти в Калинове? – развел руками Борис.

– Смотря кто будет у власти. Можно и не жить здесь, просто контролировать финансовые потоки. Иметь свой карманный банк, пилить бюджет и выписывать себе вина и сыры из Италии, устриц из Швейцарии, хамон из Испании, а омаров с Ямайки.

– Ого! Да ты знаток!

– Я тебе сказал: у меня тоже развито чувство прекрасного.

– И что ты предлагаешь? Ты ведь не просто так меня обхаживаешь. Думаешь, я не замечаю? Такие, как ты, долго и тщательно выбирают себе друзей. А со мной ты сошелся за какую-то неделю, и вот мы уже вместе едим раков в приватном местечке для избранных. Чего тебе от меня надо, скажи прямо.

– Ничего, кроме того, что ты и сам хочешь.

– Не говори загадками, – поморщился Борис.

– Катерина.

– Что?!

– Мне надо вбить клин промеж Кабановых.

– Она тебе отказала, и ты разозлился, да? – внимательно посмотрел на него Борис.

– Мало ли на свете баб, – ухмыльнулся Кудряш.

– Нет, ты разозлился. Тебя это задело. Ну, соблазню я ее, дальше что? – Борис лениво сдул с кружки пивную пену и сделал глоток. – А неплохо… Тебе будет легче, если я расскажу тебе, какова Катерина в постели? Страстная она или фригидная. Кричит во время оргазма или плачет. Какие у нее родинки на теле и говорит ли она во сне?

Кудряш вздрогнул и махнул рукой.

– Еще пива, – хрипло сказал он подскочившему официанту. – Что мне надо – я сам спрошу, – сказал он, в упор посмотрев на Бориса. – Пока мне нужен только ключ от их калитки, понятно?

– А! Ты с Варей хочешь тайком встречаться!

– Хотя бы. Ты меня в качестве лучшего друга очень даже устраиваешь. Если город будет мой – я с тобой поделюсь. Все подряды Кабанихи тебе отдам.

– Что я в этом понимаю? – усмехнулся Борис.

– Научишься, – уверенно сказал Кудряш. – Ты ведь сын бизнесмена. Просто молодой еще. Что, по рукам?

– Ладно, я попробую усилить свой натиск. Но случай сложный, сразу предупреждаю. Замужняя женщина, которую днями и ночами сторожит суровая свекровь. Высокий забор, практически непреодолимый, – намекнул Борис. – Единственное слабое звено – муж. Муж да, тюфяк. Она не может его любить. Но кого-то же она любить должна? Просто потому, что она женщина, а все женщины любят помечтать. Я не понимаю, почему ее мечты не о тебе. По меркам калиновских дам ты – идеал. Что-то тут не то. Ты мне точно все сказал, Иван?

– Все, – Кудряш старался быть спокойным. Мальчишка зарывается. Но без него – никак.

– Тогда надо дождаться удобного случая. Я не хочу, чтобы наш с ней первый разговор был случайным.

– Время терпит, – спокойно сказал Кудряш и потянулся к ракам.

Если бы Борис родился в Калинове, то он бы насторожился. И если бы Стасов видел, как рос Ваня Кудряш, и знал, кто были его родители! Но Борис не видел, не родился, не знал и потому спокойно шагнул в расставленную ловушку…

Глава 5

Степан Прокофьевич Дикой не любил свой дом. Хотя дом был по калиновским меркам хорош. Ох, как хорош! И снаружи дворец, и внутри – царские палаты, не меньше. Потолки натяжные, французские, обои немецкие, мебель выписана из Италии, стекло – из Венеции, знаменитое, муранское. Из такого же стекла

сверкающая люстра свисала с французского потолка в огромной гостиной.

Единственное, в чем здесь поучаствовал Калинов, – это кирпич. И блоки, которые пошли на фундамент, тоже были сделаны на калиновском заводе. Но поскольку кирпича на дом пошло много, и не меньше на забор, окружающий по всему периметру огромный участок, то, приходя домой Дикой невольно морщился. Куда ни глянь, повсюду был Калинов, никак не Италия и не Швейцария. Больше всего Степана Прокофьевича злило, что дом Ваньки Кудряша, который Дикой называл дешевкой, добавляя любимый эпитет «сраный», Калиновом совсем не вонял. Хотя сам Кудряш был плебей, выскочка.

Но в его доме бывать почему-то было приятно. А в свою калитку Степан Прокофьевич заходил всегда в скверном настроении. Вот и сегодня Дикой вошел в дом и буркнул:

– Сонька, на стол чего-нибудь собери. Ужинать буду.

– Водки нет, – сказала на это жена.

– Как это нет? – удивился Дикой. – Водка в Калинове закончиться не может в принципе. Утром в холодильнике початая бутылка стояла, куда ж она подевалась?

– Я ее вылила, – отрезала жена.

– Так… – Дикой нахмурился. – Это мне таким позорным образом отказывают в праве на отдых после труда?

– Да уж! Уработался! Вон – пива уже насосался!

– Ты как со мной разговариваешь?! – взвился Степан Прокофьевич. – Я мэр!

– Мэр! Х…р! Был бы ты мэром без моего дяди – губернатора! А будешь на меня орать – я тете позвоню. Водки нет.

– Да звони ты хоть президенту!

– Чего орете? – на кухню забежала старшая, Верка. – Мам, я есть хочу.

– А ты уроки сделала? – сунулся было Дикой.

– Мам, он че, опять пива насосался? Лето на дворе! Каникулы!

– Ма-алчать!

Верка, не обращая на отца внимания, уже отрезала кусок батона и щедро намазывала его поверх сливочного масла икрой.

– Ты глянь, жена, как дочура икру-то уписывает, – ринулся Дикой качать права. – А кто на эту икру зарабатывает?

– Пельмени будешь? – миролюбиво спросила Софья.

– Какие пельмени без водки?

– И какое без водки пиво? Нет, Степан, я забочусь о твоем же здоровье.

– Так ведь жарко!

– Есть лимонад, квас. Вода в кране.

Верка хмыкнула и впилась зубами в бутерброд. Все женщины в доме Дикого, кроме бабки Анфисы, были как на подбор: румяные, пышные, грудастые, их телеса пищали под руками, словно подошедшее дрожжевое тесто, которое мнут перед тем, как начать лепить пироги. Дикой любил щипать своих девок за бока и прочие особо выдающиеся места. Хороши были девки, хотя в какой-нибудь Москве их назвали бы толстыми.

– Борька где? – спросил Дикой, тоскливо глядя на обильно политые домашней сметаной пельмени в своей тарелке. Издеваются здесь над ним, что ли? Как такую красоту употреблять без водки?!

– Должно быть, как обычно, с Кудряшом, – пожала плечами жена.

– И чего Борис к нему прилип? Понятно же, что Кудряш мой авторитет повсюду подрывает! И племянника моего Ванька неспроста обрабатывает.

– Господи, да отстань ты от Бориса! Теперь в Калинове хоть есть на кого посмотреть. А то одни упыри кругом. Морды красные, толстые, волосенки жиденькие.

Дикой невольно покосился на дочку. Вся в мать: поросячьи глазки, утиный нос, мясистый подбородок. И Степан Прокофьевич невольно вздохнул:

– А где еще две пампушки? Некомплект. Дочки где, говорю? Книжки читают по школьной программе или в инете залипли? Хватит им уже чипсы трескать! По всему дому крошки! И попы у обеих как подушки!

– На себя посмотри, – фыркнула жена. – Тоже мне, кипарис! У тебя живот как подушка диванная!

– Мне замуж не выходить.

– Сейчас не красота у девушки важна, а ее приданое. Вот ты и расстарайся, папочка. Нам с Верой только свистни – женихи сами набегут. Правильно, дочка?

– Я замуж пока не хочу, – наморщила носик Вера. – Мне калиновские парни не нравятся.

– А кто ж тебе нравится? – прищурился Дикой. Вера молчала. – Та-ак… Борисова работа. Ну, ничего. Я эту заразу в своем доме искореню! – он бухнул кулаком по столу.

– Боря хотя бы в моде разбирается, – надулась Верка. – Хоть поговорить есть с кем. Понятно, почему он каждый вечер из дома уходит, – она безразлично посмотрела в окно и сказала: – Мам, я гулять.

– Куда пошла?! – рявкнул Дикой и вскочил.

– Иди, дочка, – сказала жена. – А ты сядь. Не хочешь есть – телевизор смотри.

– А ты накрой на стол, как положено! – Дикой сел, все еще надеясь на сознательность супруги.

– Чего орете? – в дверях появилась бабка Анфиса.

В Калинове ее прозвали Ди?кой бабкой. Вообще, в городе упорно ставили ударение на первый слог, а не на второй, когда речь шла о дочках мэра и его матери. А младшую дразнили в школе ди?кой Любкой. Та ревела и чуть ли не каждый день жаловалась матери. Но если взрослых как-то можно вразумить, то что ты сделаешь с детьми?

Анфисе Михайловне давно уже перевалило за семьдесят. Но она до сих пор боролась за власть в доме Диких со снохой. Хотя в какие-то моменты они были заодно.

– Да вот, мама, пытаюсь навести в своем доме порядок, – пожаловался Степан Прокофьевич.

– Пива, что ли, опять насосался?

– И ты, мать, туда же!

– Соня права: не надо тебе пить. Небось, водку клянчишь. Степа, у тебя же давление!

– Это у вас, стариков, давление! Вы его с утра до ночи в поликлинике лечите! К врачам не протолкнуться! У меня вся почта жалобами завалена! Специалистов не хватает!

– Будешь так кричать, у тебя будет гипертонический криз, – покачала головой Анфиса Михайловна.

– Нет, так жить нельзя! – Дикой опять вскочил. – Поеду-ка я лучше в бар.

– Сашу я отпустила, – предупредила жена. – Так что домой тебя никто не повезет.

– Такси возьму, – буркнул Дикой и бухнул дверью.

У него появился повод провести вечер вне дома. Степана Прокофьевича жестоко обидели непониманием. У крыльца, в тенечке лежала, вывалив розовый язык, огромная кавказская овчарка. От жары она страдала больше всех.

– Алка! – свистнул Дикой. – А ну, иди сюда! – он хлопнул себя по коленке. – Иди, чего ты?

Овчарка зевнула и лениво перевернулась на другой бок.

– Да что же это за жизнь такая! – не выдержал Дикой. – Шесть баб в доме, и ни от одной уважения нет!

– А ты ее хотя бы раз покормил? – ехидно спросили из открытого окна.

Овчарка встрепенулась на хозяйкин голос, подняла огромную мохнатую голову и с укоризной посмотрела на Дикого.

«Опять пива насосался?» – отчетливо прочитал он в собачьих глазах. Все шесть баб в доме Степана Прокофьевича явно были в сговоре, а его самого в грош не ставили. Он уже до смерти устал от женских трусов и лифчиков во всех санузлах, горы гигиенических прокладок, тонны косметики, загромождавшей полки. Штаны и рубашки Степана Дикого тонули в ворохе женских тряпок, как в зыбучих песках.

Дикой сплюнул от злости и потрусил к своему джипу.

Слава богу, Степану Прокофьевичу было куда пойти и у кого искать утешения. Это была его огромная тайна, узнав которую Калинов превратился бы в осиное гнездо, а дом Дикого в камеру пыток. Увы! Он был женат на племяннице губернатора, и к бесценным родственным связям прилагались унизительные родственные обязанности. Дикой обязан был все время помнить, кто его облагодетельствовал, вытащил из грязи и дал путевку в жизнь. И Степану Прокофьевичу все это давно уже осточертело…

Глава 6

Дом Кабановых считался в Калинове самым значительным. Говорят, все дороги должны вести к Храму, а если дорога туда не ведет, то зачем она нужна? Храм в Калинове, конечно, был, но его еще надо было поискать. Он затерялся на окраине, за щелястым забором, заросшим крапивой, и его плешивые купола с облупившейся позолотой навевали на горожан уныние. Но они стыдливо опускали глаза, проходя мимо подноса с пожертвованиями на реконструкцию храма. Деньги в Калинове не водились, разве что у богатых, коих в городе были считаные единицы, и все они погрязли в мирском.

Возможно, что поначалу городок, как и положено, строился вокруг святого места, но со временем разросся и неспешно отполз к железнодорожному полотну, а потом и вовсе перевалился за него. И стал разрастаться дальше уже вокруг главной городской магистрали, все больше напоминая раковую опухоль. Узкие болезненные улочки, похожие на метастазы своими чахлыми деревцами и изрытыми колесами, в колдобинах и ухабах дорогами расползались все дальше и дальше в степь. И в привольные ковыли вклинивались плешивые картофельные грядки, а между ними повырастали похожие на бородавки скважины. Засуха в Калинове не была редкостью, поэтому каждый владелец подсобного хозяйства первым делом заботился о бесперебойной подаче воды.

И как-то так получилось, что все дороги в Калинове теперь вели к дому Кабанихи, который горой возвышался у железнодорожного и прилепившегося к нему автовокзала. Этот дом вдруг оказался в центре и города, и событий. Его высоченную малиновую крышу видно было отовсюду, а на коньке, словно калиновский герб, символ вечной суматохи и сплетен, бешено вращался флюгер. В степном городке задували сильные ветра, редкий день оказывался тихим. Так же и сплетни в Калинове не утихали. Флюгер Кабаниха заказывала у коваля лично. Но петух получился похожим на коршуна, вроде и домашняя птица, но ничего в ней мирного нет.

Сам же дом Кабанихи поражал полным отсутствием стиля. Так, были в нем парадные комнаты, отделанные под модерн, и были обитые вагонкой комнатенки, где на полу раскинулся, как беспородный пес, домотканый ковер, а на окошке красовалась заневестившаяся герань, стыдливо спрятавшись от прохожих за тюлевую занавеску. То же было и в душе у Марии Игнатьевны, которая единолично решала все вопросы, что своего бизнеса, что быта, что

интерьера в собственном доме.

Неглупая деловая женщина, она прекрасно понимала, что без Интернета теперь никак и что медицина ушла далеко вперед, в то время как знахарки по-прежнему заваривают травки и льют на воду воск со свечи. И что пересаженная почка и коронарное шунтирование – это гарантия долгих лет жизни. А гадание на кофейной гуще имеет мощный психотерапевтический эффект, но тромбы от этого не рассосутся, так же как и поврежденная почка свои функции не восстановит.

Но страх перед всем новым, что перед лазерной хирургией, что перед непонятными значками на дисплее смартфона, был у Марии Игнатьевны слишком силен. Она буквально заставляла себя осваивать новые гаджеты и каждый раз боялась опозориться. И в комнатушках с домоткаными ковриками ее душе было гораздо милее, чем среди уродливых, с ее точки зрения, «загогулин», как называла Кабаниха все эти модерновые светильники и прочие находки дизайнеров, которых она тайком, да и вслух, проклинала.

…Спросите у калиновцев: какой частный дом у вас в городе самый большой? И все, не колеблясь, укажут на Кабановых. А какой дом у вас в городе самый богатый? И опять Кабановы! А в какой семье больше всего тайн? Да в нем же! В этом самом большом и богатом в городе доме! Как ни крути – везде они, Кабановы!

Вот скажите, почему Марии Игнатьевне достаются все строительные подряды? Чем таким особенным обязан ей мэр, что он без колебаний подписывает любую бумажку, которую Кабаниха кладет ему на стол? Почему Дикой на всех орет и только с Кабанихой разговаривает виновато, словно оправдывается?

Почему Мария Игнатьевна безраздельно воцарилась в Калинове вот уже без малого два десятка лет? С тех пор, как загадочно исчез ее муж, Кабаниха пошла в гору. Собственно, до этого она и не была Кабанихой.

Маша Раскатова родилась в семье учительницы и зав производством Калиновского ликероводочного завода. Разумеется, деньги в их доме водились, и немалые. Но Маша никогда не заносилась. Никогда не поедала тайком бутерброды с икрой на школьных переменах, всем, кто просил, давала откусить.

Все ее подружки, собираясь на свидание, щедро поливали себя польскими духами «Быть может», а то и французским «Опиумом». А парни перед началом урока торопливо скатывали у Маши решение сложных задачек по алгебре и геометрии.

Маша никому не отказывала, но никто не рискнул бы назвать ее доброй девочкой. В ней с детства чувствовался стальной стержень, и Маша делилась своими богатствами, будто знала, что деньги будут у нее всегда. Одни рождаются в рубашке, другие с серебряной ложечкой во рту, а вот Машу мамина матка будто бы вытолкнула, судорожно сократившись в последний раз, в банковскую ячейку, застеленную денежными купюрами вместо пеленок.

«Придет время – и мы рассчитаемся» – так вела себя Маша. Хотя никаких расписок не брала и о долгах никогда не напоминала. Блестяще окончив школу, она уехала учиться в Москву и к огромному удивлению местных жителей, отучившись в столице пять лет, вернулась обратно в провинциальный Калинов.

Что держало ее здесь? О чем она просила у Бога, стоя на коленях в калиновском храме, куда вела одна-единственная дорога, начинающаяся как раз у дома Кабанихи? Но просила она на коленях, хотя лицо ее при этом оставалось непреклонным.

«Чтоб тебе провалиться!» – провожали ее глазами калиновцы, хотя стоило Кабанихе упереть в кого-нибудь взгляд, и человек мгновенно пригибался и против своей воли начинал угодливо улыбаться.

В прошлом году Мария Игнатьевна с размахом отпраздновала пятидесятилетний юбилей в лучшем калиновском ресторане. Если она и выглядела моложе своих лет, то на год-два, не больше. Хотя ее и сейчас можно было бы назвать красивой женщиной, если бы ее вообще можно было назвать женщиной. Волосы она красила в один тон, никаких экспериментов не признавала и ежедневно делала традиционную укладку. В самом дорогом калиновском салоне красоты, принадлежащем ей же, Мария Игнатьевна проводила долгие часы. Маникюр-педикюр, чистки, маски, но никаких тебе, упаси боже, нововведений. Татуажа, ботокса, каких-то там филеров. Кто знает, какие будут последствия? Вон, гламурные девки губищи накололи, теперь не знают, куда с этим деваться. Носят на лице две сардельки, а сами лица от этого вытянулись, как у каких-нибудь горилл. Нет уж!

Мария Игнатьевна и в будни, и в праздники носила дорогие твидовые костюмы, летом легкие, льняные или хлопковые, и никогда джинсы. Так же не уважала Кабаниха и бижутерию, пусть даже от известных мировых брендов.

У нее было такое выражение лица, будто она все время чем-то недовольна. Из прислуги в ее доме задержалась только Глаша, невзрачная девица, похожая на полевую мышь. Глаша имела дурную привычку сжимать в кулачки свои сухонькие ручки, как только видела кого-нибудь из хозяйкиной семьи. Будто прятала ворованное зерно, которое несла тайком в свои закрома. Но зато Глаша была предана Кабанихе, как никто другой. Своих мыслей Глаша, похоже, вообще не имела, предпочитала обходиться хозяйкиными. Больше всего Марию Игнатьевну устраивало то, что Глаша не заглядывается на парней.

– Влюбилась девка, считай, пропала, – говорила Кабаниха, пристально глядя при этом на Варю. – Все зло от мужиков. Была сама себе хозяйка, а стала прислугой в собственном доме. Замужем побывать – жизнь задешево продать.

Катерина лишь гадала, откуда у такой мужененавистницы двое детей? Похоже, что всего дважды и потерпела Кабаниха над собой мужскую власть. Легла и стиснула зубы.

…В этот теплый, не сказать жаркий летний вечер они с Варей долго гуляли по набережной. Катерина прекрасно знала, что держит здесь ее золовку. Варя вроде была с ней, но в то же время на вопросы отвечала невпопад, а ее взгляд был прикован к стоящим вдоль всей набережной летним кафе. Варины глаза скользили по открытым верандам, пытались проникнуть под парусиновые тенты, ощупывали каждые широкие мужские плечи и все курчавые макушки.

«Нет, не он», – и Варя с досадой отводила взгляд, то и дело переспрашивая у невестки:

– Что ты сказала?

И Катерина терпеливо повторяла последнюю фразу.

– Его здесь нет, – с досадой сказала наконец Варя.

– А вы договаривались о свидании? – невинно спросила Катерина.

– Я уже не девочка, чтобы на свиданки бегать! – зло сказала Варя. – Я хочу жить в его доме. Отдыхать хочу ездить с ним, а не с мамой. Детей от него хочу. А он, выходит, от меня бегает!

– Я уверена, что он тебя любит, – мягко сказала Катерина.

– Я выйду за Кудряша замуж любой ценой. Я слово себе дала.

– Силой, что ли, заставишь? – не удержалась Катерина. О победах Кудряша в Калинове ходили легенды. И о его независимом характере. – Ты бы не бросалась такими словами, Варя, – мягко сказала она.

– Я знаю, где он и с кем. С Борисом.

При этих словах Катерина залилась краской.

– Э-э-э… – внимательно посмотрела на нее Варя. – Да ты на Стасова запала!

– Не говори глупости!

– Ты ничего не умеешь скрывать, Катерина. Трудно тебе придется, если ты влюбилась в Бориса. Ведь у тебя на лице все написано. Ты даже имени его не можешь слышать, тут же краснеешь.

– Ты забываешь, что я замужем, – тихо сказала она.

– Да уж! Тиша муж что надо! – фыркнула Варя. – Вот где он сейчас? Мы из дома-то втроем выходили.

– Я не знаю, он сказал, дела.

– Ага! Дела! Бухает где-нибудь, пока мать домой не загнала. Не понимаю, Катька, почему ты позволяешь ему пить?

– Я бы и сама пила, если бы не испытывала отвращение к спиртному, – горько усмехнулась Катерина. – При алкогольном опьянении слова твоей матери доходят до ушей, словно сквозь вату. Получается не так больно.

– А ты огрызнись хоть разок. Поставь ее на место.

– Я не умею.

– Тогда пропадешь. Мать моя и не таких ломала. И развестись не выход. Куда идти-то? Разве что в Москву уехать. Я бы на твоем месте подалась в модели, – мечтательно сказала Варя. – И рост у тебя что надо, и фигура на загляденье. Никому я, Катька, не завидовала, а тебе завидую. Другие от пластических хирургов не вылезают, а тебе все даром досталось и без всяких усилий. Хотя, похоже, время твое прошло. Тебе ведь уже двадцать пять. Раньше надо было начинать. Сразу после школы в Москву уезжать. И все бы у тебя было. Проворонила ты свое счастье, Катька.

– Я так не считаю. Лучше уж жить в Калинове и быть замужем за твоим братом, чем пойти по рукам.

– А вдруг ты бы олигарха подцепила? – прищурилась Варя.

– Я не могу быть с мужчиной только потому, что у него есть деньги, – и Катерина опять залилась краской.

– Сразу видно, что тебя в детстве молнией ударило, – рассмеялась Варя.

– Не ударило, а напугало.

– Какая разница? Ты такая же чокнутая, как и Кулигин. Жить надо сегодняшним днем, Катька. Молодость быстро пройдет. На твоем месте я бы закрутила роман со Стасовым. Я заметила, как он на тебя смотрит. Хочешь, сведу?

– С ума сошла!

– Борис красавчик, а какие манеры? Он весь мир объездил, с ним интересно.

– Да, он не похож на калиновских парней, – задумчиво сказала Катерина.

– Стасов и в столице не затеряется. Тебе надо решиться.

– Изменить мужу?!

– Не ты первая, не ты последняя. В Москве это вообще норма жизни. Я там хоть и немного пожила, всякого насмотрелась. Ты новости в инете читаешь? Вся гламурная Москва под одним одеялом спит. Меняются мужьями-женами, а то и не расписываются. Так живут.

– Это их дело. А я врать не могу. Нас с Тишей в церкви венчали. Я и так уже перед Богом в долгу. Он меня тогда пожалел, жизнь оставил. Это было предостережение, – поежилась Катерина. – Похоже, расплата за мою красоту. Не моя она, Варя.

– Да ты точно чокнутая, – покачала головой золовка. – Катька, мы в двадцать первом веке живем! Вон, инет у каждого в кармане. А ты ни разу фотки в Инстаграм не выложила. Нигде не зачикинилась. От кого ты прячешься, объясни?

– Я не буду этого делать, – твердо сказала Катерина. – Выставляться в социальных сетях. Мне это претит.

– Не хочешь, не надо. Но любить-то почему нельзя, если хочется? О Стасове все девушки в Калинове мечтают, – вкрадчиво заговорила Варя. – Ничего тут стыдного нет, любить его. Говорят, он в Швейцарии учился вместе с дочкой какого-то там президента. То ли Армении, то ли Азербайджана. Но в Калинове чего только не говорят. Борис и на горных лыжах гоняет, и в теннис классно играет. А как он одет! Всегда в костюме, в дорогих ботинках, со стильной стрижкой. А какой у него одеколон! Скажи, что не заметила.

– Он похож на эльфа, – тихо сказала Катерина.

– На кого?!

– У него такое тонкое лицо. Хотя я ни разу не решилась на него посмотреть. Спроси меня, Варя, какого цвета у него глаза, и я тебе не отвечу.

– Ба! Да ты точно влюбилась! С этим срочно надо что-то делать. Погоди, я тебе устрою свидание. – Тут у Вари зазвонил мобильный телефон. – Да, мама, – с досадой сказала она. – На набережной, где же еще? Да, гуляем. Тихон? С нами, да. Почему его телефон не отвечает? Батарея разрядилась. Что ты сказала, мама? Извини, здесь связь плохая… Блин, где он шатается?

В конце набережной показался Тихон. Он шел, слегка пошатываясь, на лице расплывалась довольная улыбка.

– Тишка! – закричала Варя. – А ну сюда, живо! Тебя мать ищет!

Кабанов мгновенно помрачнел и рысью рванул к ним.

– Что случилось? – спросил он, запыхавшись.

– Я сказала, что у тебя телефон разрядился, придурок. Ты ведь абонент – не абонент. Мать тебе уже раз пять звонила.

– Я с ней два часа назад разговаривал! Когда она перестанет контролировать каждый мой шаг?!

– Никогда, – злорадно сказала Варя и стала набирать номер. – Извини, мама, связь прервалась. Почему сразу вру? На – поговори с ним, – и она сунула трубку брату.

– Ловко у тебя получается, – тихо сказала Катерина. – Ты всегда умудряешься выкрутиться.

– Главное, наглости побольше, – усмехнулась Варя. – Ладно, пошли домой. У нас вечерний сеанс промывки мозгов. Тишка, ты у меня в долгу.

Глава 7

Но Варя ошиблась.

– Я сегодня ужинаю вне дома, – объявила Мария Игнатьевна, как только они вошли в холл, и взяла с банкетки дамскую сумочку «под крокодила».

– А вы, дети, посмотрите мультики и ложитесь спать, – сказала Варя, подражая голосу матери.

– С тобой у меня будет отдельный разговор, – поджала губы та. – После того, как я решу возникшую проблему.

– Говорят, сегодня на набережной Кулигин грозился найти моего отца, – невинно сказала Варя. – Лев Гаврилович даже сходил в библиотеку. Это его Тишка завел. Так что в ближайшем будущем наша огромная тайна перестанет быть тайной.

– Идите ужинать, стол уже накрыт, – сухо сказала мать.

– Ты не это ли проблемой называешь? – гнула свое Варя. – Тогда тебе придется нелегко. Кулигин взяток не берет, это тебе не калиновские менты, – и она охнула, схватившись за щеку.

Отвесив дочери пощечину, Кабаниха крикнула:

– Глаша! Я вернусь в одиннадцать! К этому времени приготовишь мне ванну с лавандой!

– Хорошо, Марья Игнатьевна. Как скажете.

Хлопнула входная дверь.

– Ненавижу ее! – со злостью сказала Варя. – Позвал бы меня Ваня к себе – я бы за пять минут собралась!

– Так не зовет ведь, – пожал плечами Тихон.

– Заткнись! – И Варя, перепрыгивая сразу через две ступеньки, побежала наверх, в свою комнату.

Тихон вздохнул и посмотрел на жену:

– Я есть не хочу.

– Мне одной за стол в гостиной садиться неловко, – поежилась Катерина. – Глаша!

– Чего изволите?

– Перестань так со мной.

– А как? – удивилась та. – Вы же молодая хозяйка!

– Я такая же, как ты. Не надо стол в гостиной накрывать.

– Как не надо, когда уже все накрыто?

– Варя вряд ли будет есть. И муж не хочет.

– Марья Игнатьевна рассердится.

– А ты не говори ей, что мы не ужинали.

– Как так: не говорить?

– Хорошо, мы сядем в гостиной, – вмешался Тихон. – И Варя спустится. А ты, Глаша, как положено, отчитаешься хозяйке.

Глаша расцвела довольной улыбкой. Свет звезды доходил и до нее. Передавая домочадцам хозяйкины распоряжения, она обладала почти такой же властью. В доме Кабановых неукоснительно должен соблюдаться Порядок. На нем все и держится.

…В то время как молодежь с тоскливыми лицами сидела в огромной гостиной кабановского особняка, сама Кабаниха в приватном кабинете ресторана «Калинка» внушала Дикому:

– Надо что-то делать, Степа. Кулигин на днях в библиотеку сходил.

– Ну и что? – вяло отреагировал тот. И хлопнул рюмку водки.

– Ты много стал пить, – поморщилась Мария Игнатьевна. – Куда только твоя жена смотрит?

– И ты туда же? Нервы это.

– Значит, слухи верны? Губернатор области скоро уйдет в отставку. Не выдал нужный процент, – усмехнулась Кабаниха. – А вслед за ним и ты полетишь.

– А ты не радуйся, Маша. Вместе под нож пойдем.

– Э, нет, – рассмеялась та. – У меня бизнес. Я человек-то не государственный, мое дело договариваться с такими, как ты.

– И как же ты договоришься с Кудряшом? – усмехнулся Дикой.

– Дочку за него выдам.

– А с Кулигиным?

– Кулигин на выборах победить не должен, – твердо сказала Кабаниха. – И вообще: оставь эти мысли. Соберись, ты же мужик! Победить должен ты, останется нынешний губернатор или сменится. Я в тебя кучу денег вложила.

– А откуда деньги-то, Маша?

– Замолчи! Кулигин не должен узнать правду. Никто не должен.

– Девятнадцать лет прошло, – вздохнул Дикой. – Кого это теперь волнует?

– А вот тут ты ошибаешься. Это ударит по твоей репутации.

– Это каким же образом?

– У тебя с моим мужем были серьезные проблемы. Я об этом молчу, Степа, но это не значит, что я все забыла.

– Маша, Маша, – покачал головой Дикой. – Да я сто раз уже себя проклял. Ну, дурак был, прости.

– Тебя, Степка, жадность сгубила. Через нее ты и себе жизнь сломал, и мне. Да чего уж теперь об этом говорить? И я не молодка, и ты вон седой весь. Знаю: нервы. Надо хорошенько подумать, что теперь делать?

– Надо поссорить Бориса с Кудряшом.

– Верно… – Мария Игнатьевна на минуту задумалась, а потом сказала: – А пусть твой племянник на Варе женится. Мы всегда хотели породниться.

– Да мы ведь не так хотели, – усмехнулся Дикой. – И потом: разве мы уже не родня?

– Об этом никто не должен знать, – отрезала Кабаниха. – А над моим предложением подумай.

– Чего тут думать? – махнул рукой Степан Прокофьевич. – Делай как знаешь.

– Мне нужна твоя помощь. Поговори с племянником.

– Борька откажется. Они ведь с Кудряшом теперь друзья.

– У денег друзей нет, – отрезала Кабаниха. – У Бориса безвыходное положение. И я знаю, как и чем его прижать.

– Что ты за человек, Маша? – тяжело вздохнул Дикой. – А меня жадностью попрекаешь. Тебе-то куда столько?

– Мне не деньги важны. Порядок должен быть. А кто в Калинове его удержит?

– Да хоть бы Ванька.

– Не смеши. Кудряш – человек непростой. Он уже сколько лет хочет у меня бизнес отжать? Знаю: по бумагам у него ничего нет. Хитрый, сволочь. Вот откуда у него деньги, а, Степан?

– А у тебя откуда?

– Пустой разговор, – сердито сказала Кабаниха. – Вижу, что самой все придется делать. Ну да ладно. Не в первый раз. Учти: я на твоей стороне. Слишком уж многое нас связывает. Ты знаешь, ради кого я это делаю. Хватит пить! – прикрикнула она, и Дикой испуганно отставил рюмку. – Расплатись, и я отвезу тебя домой, – велела Мария Игнатьевна.

Степан Прокофьевич тут же полез в карман за портмоне. Официант с любопытством смотрел, как грозный мэр, будто виноватый мальчишка, идет к дверям под тяжелым взглядом Кабанихи. Ну, сильна баба!

– Софье скажешь – дела обсуждали, – велела мэру Мария Игнатьевна, остановившись у глухих ворот особняка Диких. – Бизнес у нас. А с Борисом поговори.

– Хорошо, Маша, – покорно кивнул Дикой и вылез из машины.

В окнах первого этажа тут же зажегся свет.

– Иди, ждут, – усмехнулась Кабаниха. – Сонька, небось, боится, что ты по бабам пойдешь. А бревна в глазу не видит. Слава богу, никто не видит. Все, Степа, иди, – сказала она почти что нежно.

И Дикой встрепенулся. Воровато оглянувшись на свой дом, негромко сказал:

– Я к тебе как-нибудь вечерком забегу. Ты калитку-то не запирай.

– Я Глаше скажу – она встретит, – улыбнулась Мария Игнатьевна.

И медленно отъехала от дома.

Глава 8

В одиннадцать, как и сказала, Кабаниха взошла на крыльцо и крикнула:

– Глаша! Я дома! Встречай!

И входная дверь тут же распахнулась.

– Ну, как тут без меня? – спросила Мария Игнатьевна, усевшись на банкетку и вытянув ноги. Горничная тут же принялась снимать с хозяйки туфли и угодливо подсунула домашние тапочки. – Ох, мука! – вздохнула Кабанова. – Туфли эти – сущее наказание! А куда деваться? Я эту моду современную не понимаю: в платье и в кедах! Нет, если юбка – то только туфли. И обязательно на каблуке.

– Вы хозяйка, вам виднее, – угодливо сказала Глаша.

– Вот именно. Где молодежь-то?

– Катерина спать легла, она у нас жаворонок, Варя у себя в комнате заперлась, а ваш сын в кабинете, телевизор смотрит.

– Поужинали? – строго спросила хозяйка.

– А как же, – с гордостью сказала Глаша. – Не хотели – а за стол-то сели все. И даже Варька.

– Я знаю, чем она там занимается, – поморщилась Кабаниха. – С Кудряшом «ватсапится». – И она достала из сумочки свой телефон. – Так и есть: онлайн. Ну,

ничего, я это прекращу. Ванна с лавандой готова? – спросила она строго.

– А как же.

Через полчаса Мария Игнатьевна, в шелковом кимоно и с полотенцем на голове, без стука открыла дверь в кабинет сына.

– Мама? Так поздно? – Тихон суетливо начал выдвигать и задвигать ящики письменного стола.

– Ладно уж, не прячь, – поморщилась Мария Игнатьевна. – Где она у тебя там, бутылка-то? Ишь! Тихо подошла, а все равно успел спрятать! Чуешь ты меня, что ли?

– Мама, я не пил.

– В трубку дышать не заставлю, – усмехнулась та. – Только я тебя, Тиша, насквозь вижу. Телевизор, как же! Твой телевизор называется двухсолодовый виски. Доставай бутылку-то. И две рюмки.

– Мама, ты будешь со мной пить? – изумился Тихон.

– Разговор у меня важный. Ты завтра в Москву поедешь.

– Зачем? – растерялся Тихон.

Он суетливо достал из своего стола бутылку виски и две рюмки.

– Без закуски пьешь, – покачала головой мать и крикнула: – Глаша!

Дверь в кабинет тут же открылась. Тихон невольно поморщился: противная девка. Когда только она спит?

– Принеси нам закусить, – велела мать. – Поздно уже, так ты полегче что-нибудь сообрази.

– Как скажете, – Глаша исчезла.

– Погоди пить, – мать накрыла своей ладонью вялую руку Тихона. – Сначала выслушай.

– Я слушаю, мама, – покорно сказал тот.

– Года три назад я глупость сделала: одолжила Гришке Стасову денег. Дикой не дал, а я дала.

– Да ты что? – изумился Тихон.

– И у меня сердце не камень.

«Кто бы мог подумать», – чуть не вырвалось у Тихона. Еле сдержался.

– Гришка лет на пять постарше меня будет. Но я его отлично помню. Мы в одной школе учились. Хорошенький был, как ангелочек, все девки за ним бегали. Борис – копия отец. Так что ты, Тиша, можешь себя представить, как хорош собой был Гришка Стасов. Пока, конечно, не постарел и не растолстел.

– И ты за это дала ему денег? – хмыкнул Тихон. – Кто бы мог подумать, что тебя трогает мужская красота!

– Не за это, – отрезала мать. – И не язви мне.

Неслышно появилась Глаша с подносом, расставила на столе закуски, налила в две пузатые рюмки виски. Когда она ушла, Мария Игнатьевна подняла свою:

– Выпьем, не чокаясь. Хоть и беспутный он был, а все ж таки человек. И мужик красивый. Кто-то попользовался, повезло. – И она залпом выпила свой виски.

Тихон тоже выпил и подождал, пока мать продолжит.

– Ты за деньги не беспокойся, – усмехнулась та. – Я со Стасова расписку взяла и все, как положено, оформила у нотариуса. И вот недавно по суду мне отошла

хорошая московская квартира. Там сейчас живет Ленка Стасова, Борисова сестра. Ты поедешь завтра в Москву и покажешь Ленке бумагу, по которой ей надлежит в ближайший месяц освободить помещение. Сможешь?

– Ну, конечно, мама! – Тихон воровато посмотрел на мать и вновь наполнил рюмки.

– Ты не спеши. – Тихон замер. – Ленка – дочь своего отца. И мать у нее модель. Я младшую Стасову давненько не видела, помню, девчонкой она была очень уж тощая, и лицо в прыщах, но в Инстаграм на всякий случай заглянула.

– Да ты, мама, продвинутый пользователь!

– Опять язвишь? Мать, мол, темнота, в клавиатуру одним пальцем тычет. Надо будет для дела – я и на Луну слетаю, не побоюсь. А в тебе я, Тиша, сомневаюсь. Тебе предстоит выставить очень красивую девушку из ее родного дома на улицу. Прыщи-то у Ленки прошли, а вот грудь появилась. Вот я и спрашиваю: сможешь?

– Она что, красивее моей жены?

– Нет. Но умнее уж точно. Катька наша святошу из себя корчит, на мужиков, которые на нее таращатся, как на картину, глаз не поднимает. А посмотреть есть на что. А Ленка Стасова себя продаст, не моргнув глазом, лишь бы в Москве остаться. Я не знаю, кто ее любовник, но уверена, что он есть. Хорошо было бы, если бы она к нему съехала. Но она попытается договориться с тобой. Вот я и предупреждаю тебя, Тиша: смотри, не загуляй.

– Что ты, мама! Я жену люблю!

– Любовь любовью, а постель постелью. Или как там это у вас, у молодежи, называется? Секс, – поморщилась Мария Игнатьевна. – И потом: Москва – город соблазнов. Остановишься в гостинице.

– Но разве…

– Я сказала: остановишься в гостинице! – повысила голос мать. – Так мне будет проще тебя контролировать. Я бы сама поехала, но мне сейчас не до этого.

– Это из-за Кулигина, да?

– Тянули тебя за язык, – с досадой сказала мать.

– Но ведь у следователя на тебя ничего нет. Ведь ты тут ни при чем, правда, мама?

Кабаниха молчала.

– Да неужели слухи о твоих деньгах имеют под собой основание? – испугался Тихон. – Это как-то связано с ограблением банка?

– Мы не будем обсуждать эту тему. Слухи надо прекратить. Поэтому в Москву завтра поедешь ты. Тебе надо освободить квартиру и подготовить ее к продаже. Я тебе дам телефон риелтора. Я с ней работаю вот уже много лет. Она тебе скажет, что делать. Под ее руководством подготовишь все необходимые документы. И не пей, слышишь? Много не пей. Я знаю, что ты без этого не можешь. Тут уж ничего не поделаешь: гены!

– Я пойду, Кате скажу, что уезжаю? – обрадовался Тихон.

– Ну, иди. Скажи. А после я с ней поговорю. Не сегодня – а завтра, как ты уедешь. У меня к ней тоже дело будет, – Кабаниха усмехнулась. – Мы выиграем эти выборы, Тиша. Я для тебя стараюсь, для твоего будущего. Реальная опасность – это Кулигин. Он сейчас даже опаснее Кудряша. И дело не в грядущих выборах. Выборы мы выиграем. Но есть одна загвоздка…

– Мой отец, да?

– Да, Тиша, твой отец, – неожиданно мягко сказала мать. – Он сейчас нуждается в поддержке.

– Значит, он жив?

Мать загадочно на него посмотрела и сказала:

– И жив, и не жив. Не надо тебе об этом думать. Иди к жене.

– Не спишь? – шепотом спросил Тихон в полутемной спальне.

Тускло светился ночник, жена дремала, убаюкивая, как младенца лежащую поверх одеяла книгу.

– Отдыхаю, – Катерина тут же открыла глаза. – Мать вернулась, да?

– В одиннадцать, как и обещала. Она похожа на робота. Жаль, что у нее нет кнопки.

– Ты хоть бутылку-то спрятал? Успел?

– Толку? Она меня насквозь видит. Говорит: гены.

– Твой отец что, пил?

– Вроде нет. Он был спортсменом, – с гордостью сказал Тихон. – Высокий, сильный! Меня на одной руке поднимал. Я не помню его даже подвыпившим.

– Странно… Мария Игнатьевна тоже не пьет… Тогда почему она говорит: гены?

– Может, дед пил. Да, Катя… Она ведь меня в Москву посылает, – Тихо постарался сдержать радость.

– Как в Москву? – Катерина резко села на кровати. – А как же я?

– А у тебя работа. Только-только экзамены закончились. Надо личные дела оформлять, справки выписывать. Ты ведь директорская секретарша!

– Я найду, кто меня подменит. Возьми меня с собой, Тиша!

– Да куда я тебя возьму? – муж отвел глаза. – Я в гостинице остановлюсь, меня целыми днями не будет. Бизнес, – сказал он важно. – Да и мать тебя не отпустит.

– Что значит: отпустит? Я что, девочка? Или у нас крепостное право?

– Мы в ее доме живем.

– Но разве это так необходимо? Могли бы жить отдельно.

– Да зачем? Тут столько комнат – можно вообще друг другу на глаза не показываться.

– Тем не менее, мы обязаны завтракать вместе с ней. А также обедать и ужинать. И ежедневно отчитываться о том, что делаем.

– Но ведь это она за все платит!

– А ты сам денег заработать не можешь?

– Я могу, но… Так ведь удобнее, Катя.

– И на сколько ты едешь?

– Недели на две.

– Две недели! – охнула Катерина. – Что ты со мной делаешь!

– Ты меня так любишь? – Тихон потянулся к жене.

Она была, как всегда, холодна. Только что терпела его поцелуи. Тихон отвернулся на минутку, чтобы погасить ночник.

– Возьми меня с собой, – услышал Кабанов в темноте горячий шепот. – Я не хочу с ней оставаться.

– Я не могу, Катя.

– Тогда отстань от меня!

Жена резко его оттолкнула и зарылась лицом в подушку. Тихон растерялся.

– Да что случилось, ты мне можешь объяснить?

– Я тоже не железная, – Катерина расплакалась. – У меня ведь нет никакой отдушины. Разве что работа, но твоя мать и это грозится прекратить. Мол, какие это деньги? Копейки! А я не хочу, слышишь? Не хочу жить здесь взаперти. И целыми днями слушать нравоучения. Я не ее собственность.

– Ты просто капризничаешь, – Тихон погладил жену по волосам. – Слушай, а ты не беременна?

– Если бы, – горько сказала Катерина. – Может, это нервное, из-за той психологической травмы, которую мне в детстве нанесла гроза? Что-то во мне сломалось. Врач говорит, что физически я абсолютно здорова. А забеременеть не могу.

– А ты расслабься, успокойся. Хочешь – на море поедем.

– Опять с твоей матерью?

– Можем и без нее.

– Ты сам-то в это веришь? Когда она нас одних за границу отпускала? И живем все время в семейном номере или на вилле, вместе.

– Давай спать, Катя, – вздохнул Тихон. – Мне завтра ехать.

– Уже завтра?!

– Каких-то две недели, и я вернусь.

– Да за эти дни все что угодно может случиться!

– Не выдумывай, – Тихон зевнул. – Ты у меня фантазерка.

Вскоре он уже спал. А вот ей не спалось. Катерине вот уже с месяц казалось, что над городом собираются тучи. Стало нестерпимо душно, словно кольцо вокруг сжималось: дома безраздельно властвовала Кабаниха, в школе Катерину атаковали завистливые и насмешливые взгляды. А то и откровенно злые. Красивая, богатая, замужняя, что ты здесь делаешь? У тебя и так все есть, зачем только рабочее место занимаешь?

Кто-то из сослуживцев заметил у школьных ворот красную машину Бориса. Сразу возник вопрос: а кого он здесь поджидает?

– Шлюха, – услышала она как-то в спину змеиный шепот. – А святошей прикидывается…

И ведь не было ничего, ни слова она Борису не сказала, а сплетня по городу уже поползла. И сердце вот уже месяц не на месте. С тех пор, как она увидела Бориса. А тут еще и муж уезжает…

Да разве она не женщина?

Глава 9

Муж уезжал. Катерина еле сдерживала слезы.

– Не вздумай телефон выключать, – предупредила сына Мария Игнатьевна. – Я все равно узнаю, где ты. У меня услуга подключена. И жене накажи, чтобы все время была на связи.

– Что ты меня, мама, как маленького строишь, – поморщился Тихон.

– Потому что ты недоумок. Жене работать позволяешь. Хотя давно надо было кулаком по столу стукнуть. Тряпка!

– Да чем тебе так мешает ее работа?

– А почему она туда ходит? Необходимости нет. Значит, что-то тут нечисто. Может, она с директором роман закрутила?

– Да ведь он старик, мама! И давно женат. Внуки у него.

– Старик – шестидесяти нет. По-твоему, и я старуха?

– Что ты, мама! Ты прекрасно выглядишь.

– Знаешь, как говорят? Седина в бороду – бес в ребро. А тут такая красавица в секретаршах!

– Я вообще-то здесь, – не выдержала Катерина.

– А тебя никто не спрашивает, – отрезала Кабаниха. – Ты – мужнина жена. Ты потому и рожать не хочешь, что воли тебе много.

– Я – не хочу?! Да я только и делаю, что по врачам хожу!

– А может, ты по этому вашему инету таблетки противозачаточные выписываешь? – зло прищурилась свекровь.

– Как у вас только язык поворачивается, Мария Игнатьевна! – не выдержала Катерина. – Вы ведь все мои звонки ежемесячно проверяете! Да ни одна посылка мимо вас не пройдет! Ни одна почтовая квитанция!

– Я тебе сколько раз говорила называть меня мамой! Мамой, слышишь?! Так положено. Девка ты легкомысленная, и скажи мне спасибо, что я не даю тебе свернуть на скользкую дорожку. А не то пошла бы ты по рукам. Недаром ведь говорят: рыжая – бесстыжая.

– Мария Игнатьевна!

– Опять?!

– Вы можете проводить меня без скандала? – не выдержал Тихон.

– А ты вели жене, пока тебя здесь нет, дома сидеть, а не по набережной шастать.

– Так вы же меня сами туда посылаете вместе с Варей, Ма… ма, – выдавила из себя Катерина. – Но, похоже, вам ничем не угодишь.

– Роди – и угодишь.

– Как же! Все равно найдете к чему придраться!

– Глаша? Наконец-то! – обрадовался Тихон, видя, как горничная спускается по лестнице с тяжелым чемоданом. – Ну, все, я поехал.

– Тиша! – кинулась ему на шею Катерина.

– Притворщица, – покачала головой Мария Игнатьевна.

Катерина разрыдалась.

– Долгие проводы – лишние слезы, – и Кабанова первой шагнула к дверям. – Ты, Катька, здесь оставайся. Нечего на людях на муже виснуть.

– Я только до калитки, – заикнулась было Катерина.

– До калитки мать проводит.

И они с Тихоном вышли за дверь.

– Ну что? Уехал? – перевесилась через перила Варя. И удивилась: – Катька, ты что, плачешь? Радоваться надо!

– Да чему радоваться?

– Идем ко мне, пошепчемся, – заговорщицки подмигнула Варя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/natalya-andreeva/groza

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить